

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ. 2021. № 1 (15)

ISSN: 2687-0193

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

IR SCIENTISTS' HERALD

№1, 2021 (15)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Аникин Владимир Иванович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра мировой экономики Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры Дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой Международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Международных отношений Дипломатической академии МИД России

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры Политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Рудов Георгий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации

Суглобов Александр Евгеньевич, заслуженный экономист РФ, доктор экономических наук, профессор

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры Международных отношений Дипломатической академии МИД России

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer»

Шулепов Николай Александрович, заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советник ректора Дипломатической академии МИД России

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Sciences), Professor, Director of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Advisor to the Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University. Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Evgeniy Bazhanov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation.

Georgy Rudov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador of the Russian Federation

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Dean of the Faculty of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Vladimir Anikin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher of the Center for World Economy of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer»

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

«ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

Научный периодический электронный журнал «Вестник учёных-международников» издаётся Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой. Входит в РИНЦ.

Цель журнала — публикация материалов по специальностям:

Цель журнала — публикация материалов по специальностям:

08.00.00 Экономические науки: 08.00.14 Мировая экономика;

12.00.00 Юридические науки: 12.00.10 Международное право; Европейское право;

23.00.00 Политология: 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии; 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Изданию присвоен номер **ISSN: 2687-0193**

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.П. Иванов, д. полит.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, к.э.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

Л.Н. Кулябина – редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н.

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

А.Р. Рыженок – младший редактор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (Предыдущее название: «Вестник молодых учёных-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

The **purpose** of the magazine is to publish scientific papers on the specialties:

08.00.00 Economic Sciences: 08.00.14 World economy;

23.00.00 Political Science: 23.00.02 Political institutions, processes and technologies; 23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development.;

12.00.00 Legal sciences: 12.00.10 International law; European law.

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.P. Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev - Editor in Chief, Ph.D. (Economy)

O.A. Timakova - Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov - Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

L.N. Kuliabina - Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova - Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina - Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva - Editor, Ph.D. (Law)

N.A. Faustova - Editor, Ph.D. (Philological Science)

A.R. Ryzhenok – Assistant Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **ELN²FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists □ Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Ламберт А. Географические и демографические факторы развития России **10**

Ильюшин П.С. Межрелигиозный диалог как средство профилактики экстремизма и терроризма в России **24**

Стародубова К.А. Концептуальные подходы России и США к определению милитаризации космоса **41**

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Смирных С.Е. Ребенок-солдат как субъект международно-правовых отношений **49**

Оганесян Т.Д. Защита персональных данных: новое переосмысление и концептуализация **66**

Севастьянов Е.А. Правовые инструменты и примеры влияния святого престола на внутривнутриполитические процессы государств **77**

МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Сёмина Е.В. Различия в подходах стран к реализации целей устойчивого развития (на примере Дании, Танзании и России) **87**

Ермолаева Д.В. Процесс становления и развития фракций евроскептиков в Европейском парламенте **100**

РЕЦЕНЗИИ

Болтаевский А.А. «Борьба за селитру»: исследование по истории чилийско-болливийского территориального конфликта **124**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ **133**

CONTENTS

RUSSIA IN WORLD POLITICS

- Alexandre Lambert* Geographic and demographic factors of Russia's development **10**
- Pavel S. Ilyushin* Interreligious Dialogue as Instrument for Prevention of Extremism and Terrorism in Russia **24**
- Ksenia A. Starodubova* Conceptual Approaches of the Russian Federation and the United States of America to the Definition of the Militarization of Outer Space **41**

INTERNATIONAL LAW ISSUES

- Sergey E. Smirnykh** The Child Soldier as Subject of International Legal Relations **49**
- Tigran D. Oganessian** Personal Data Protection: New Rethinking and Conceptualization **66**
- Evgeny A. Sevastyanov** Legal Instruments and Examples of the Influence of the Holy See on the Internal Political Processes of States **77**

WORLD POLITICAL PROCESSES

- Eugenia V. Semina** Difference of the Countries' Approaches to the Implementation of the Sustainable Development Goals (Case Study of Denmark, Russia and Tanzania) **87**
- Daria V. Ermolaeva** Process of the Formation and Development of Eurosceptic Factions in the European Parliament **100**

REVIEW

- Andrey A. Boltaevskiy** Struggle For Saltpeter: Research on the History of the Chilean-Bolivian Territorial Conflict **124**

NOTICE TO THE AUTHORS

133

РОССИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Ламберт Александр
доктор политических наук, профессор,
Институт Женевы по геополитическим исследованиям (Швейцария)
e-mail: lambert@geopolitics-geneva.ch,

Alexandre Lambert
Professor, Ph.D. (Political Science)
Academic Director
Geneva Institute of Geopolitical Studies (Switzerland)
e-mail: lambert@geopolitics-geneva.ch

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ

GEOGRAPHIC AND DEMOGRAPHIC FACTORS OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

Аннотация. Статья представляет собой вторую часть масштабного исследования, посвященного особому положению Евразии на карте мира и роли России на этом континенте. Автор изучает кейс России: раскрывается значение политической географии для России, выявляется роль и место России в Евразии.

Abstract. The article is the second part of a larger study devoted to the special position of Eurasia on the world map and the fact that Russia plays a central role on this continent. The author studies the case of Russia: the importance of political geography for Russia is revealed, the role and place of Russia in Eurasia is revealed.

Ключевые слова: политическая география, геополитика, Россия, Евразия, национальные интересы.

Keywords: political geography, geopolitics, Russia, Eurasia, national interests.

В эпоху Нового времени по мере того, как Россия на протяжении веков продвигалась в Среднюю Азию и Сибирь, именно эта страна становилась все

более важной для понимания политической географии Евразии, то есть геополитического ключевого континента. Благодаря расширению своей территории, богатству ресурсами, а также стратегическому расположению естественного сухопутного моста между Европой и Восточной Азией, Россия получила в XIX в. не только международный статус крупной державы, но также стала играть важную роль в балансе мировых держав в целом. И географии как ключевой фактор повлияла на это в большей степени. Россию как «Вселенную саму по себе» Александр Солженицын в одном из своих последних интервью назвал «континентом».

Во-первых, при рассмотрении политической карты мира бросается в глаза, что Россия, безусловно, - самая большая страна на Земле, которая охватывает почти всю северную часть Евразии, за исключением Скандинавии. Россия с ее колоссальными 17,1 млн кв.км площади – настоящий территориальный гигант, который, особенно в Евразии, сам по себе является также крупнейшим и географически центральным континентом в мире. Эта страна простирается на два континента (Европу и Азию) – уникальная для политической географии ситуация.

В западных научных кругах иногда отмечается, что Россия представляет собой «отдельную от Европы, как Азия, часть мира». Однако с географической точки зрения это не имеет реального смысла, так как верно лишь утверждение, что единственной страной, образующей одновременно и отдельный континент, является Австралия. В связи с этим Россию корректнее называть трансконтинентальным государством. В качестве сравнения: площадь территории Канады, т. е. второй по величине страны в мире, в 1,7 раза меньше российской – всего 10 млн кв.км, за ней следуют США (9,8 млн кв.км), Китай (9,6 млн кв.км) и Бразилия (8,6 млн кв.км).

Кроме того, протяженность России с запада на восток, измеряемая по воздуху, составляет 7 000 км. Это же расстояние – от Каира до Кейптауна - и Африка, развернутая на 90 градусов, могла бы поместиться почти поперек российской территории. Воздушная протяженность России с севера на юг - 4

500 км, что соответствует расстоянию от Лос-Анджелеса до Нью-Йорка. Каждый, кто хоть раз путешествовал от американского восточного побережья до западного (или наоборот), неважно какими средствами, навсегда запомнил ощущение внушительности такой пространственной и временной протяженности.

Таким образом, Россия географически ставит почти все рекорды. Ее государственная граница настолько длинна, что она может растянуться вокруг экватора почти в полтора раза (57 000 км), причем одна только доля, граничащая с морем (37 000 км), почти такой же длины, как и окружность Земли. Соответственно, ее континентальная государственная граница на евро-азиатском материке равна половине окружности Земли (20 000 км) и является самой длинной государственной границей в мире. В то время как самая длинная континентальная государственная граница в мире между двумя суверенными государствами, а именно между США и Канадой, составляет 8 900 км (включая границу между Канадой и штатом Аляска, т. е. относительно большого штата). Граница России с Казахстаном простирается на 7 000 км. С другой стороны, Канада, являясь второй по площади страной на Земле, граничит непосредственно только с США, Россия же – с 18 странами. Ведь Россия омывается 12 морями, включая Черное и Каспийское, и тремя океанами.

В соседних с Россией государствах говорят на национальных языках, а в бывших советских республиках используют также и русский язык, по-прежнему объединяющий их в культурном отношении, подобно английскому в Индии. Таким образом, русский язык на сегодняшний день является наиболее распространенным языком в рамках интегрированной континентальной зоны.

Если взглянуть на способ распространения других европейских языков (английского, испанского, французского), то он был преимущественно морским. В этом смысле даже Соединенные Штаты можно рассматривать как территорию, исторически и лингвистически связанную с Британской

империей и Британским Содружеством наций, где, как известно, «солнце никогда не садилось».

Между Россией, с одной стороны, и Западной Европой с Северной Америкой (Аляска), с другой, расположены страны, которые могут быть сгруппированы по регионам, однородность которых различна: от таких относительно внутренне гомогенных, как Скандинавия и Прибалтика, и далее – по нарастающей с точки зрения однородности – Восточная Европа, Центральная Азия и Восточная Азия.

Хотя протяженность общих границ России с Китаем (4 209 км) и Монголией (почти 3 500 км) велика, а России исторически неоднократно угрожала не только Монгольская империя, но и другие державы, интересно, что вдоль границ России никогда не появлялось что-то, напоминающее Великую Китайскую стену. Граница в европейской части России с одной только Украиной составляет почти 2 000 км – самая длинная государственная граница между двумя суверенными государствами в Европе. Так, граница между Норвегией и Швецией - 1 600 км, между Германией и Францией, то есть между двумя государствами-столпами Европейского союза, – всего 450 км.

При этом огромных территориальных размеров Россия достигла уже к концу XVII века. В то время как США были еще под британским колониальным господством, а часть Северной Америки - под французским и испанским владычеством, Россия, напротив, в XIX в. (с территорией Польши и Финляндии) занимала значительную площадь, что показано на следующей карте. В XX веке Финляндия получила независимость еще до Первой мировой войны, Польша – после революции, республики Советского Союза – после его распада в 1991 г.

В этой связи можно также упомянуть об Организации Варшавского договора (1955-1991). С западной точки зрения, это был пакт о военной взаимопомощи, противостоявший НАТО в холодной войне в Европе. Так во

второй половине XX века возник крупный блок государств, в пределах которого русский язык распространился до Центральной Европы (ГДР).

После распада Советского Союза, расформирования СЭВ и ОВД в 1991 г. начался «обратный отсчет», который сопровождался процессом образования новых независимых государств в Центрально-Восточной Европе. В итоге сегодня внешние границы так называемой евро-атлантической группы государств, центром которой в Европе является Брюссель, простираются на отдельных участках вплоть до российских границ.

Еще во время переговоров между США и Советским Союзом о воссоединении ФРГ и ГДР, разделенных с конца Второй мировой войны, американцы настаивали на том, чтобы объединенная Германия была включена в НАТО. Таким образом, они продолжали старую англо-американскую геостратегию в континентальной Европе, конечная цель которой уже 200 лет состоит в том, чтобы две основные континентальные державы в Европе – Германия и Россия – не стремились к стратегическому сотрудничеству.

При этом нельзя забывать, что именно Германия (не считая Россию) в первой половине XX в. стала серьезной соперницей как Великобритании, так и США и что за союзными связями внутри коалиции НАТО сегодня сохраняется сильная геэкономическая напряженность, усугубляемая ростом технологического и экономического доминирования Германии.

В качестве иллюстрации можно упомянуть доклад Джорджа Фридмана, основателя StratFor, в Чикагском Совете по случаю эскалации кризиса на Украине (2014 г.), с провокационным названием «Обречена ли Европа на конфликты?» [2]. Известный американский консультант по геостратегии не только пытается столкнуть Siemens и Google лбами, но и намекает, что для Атлантического сообщества важно обуздать не только Россию, но, прежде всего, Германию. Однако то, что исторически это всегда было главным девизом, продемонстрировал не кто иной, как первый генеральный секретарь

НАТО генерал Хастигс Исмай, который связал этот геополитический принцип атлантических морских держав в Европе с самим созданием НАТО, обозначая «raison d'être» (обоснование) НАТО: «to keep the Soviet Union out (from Europe), the Americans in, and the Germans down».

Российская Федерация осталась ядерной сверхдержавой даже после распада Советского Союза и продолжает находиться на одном уровне с США, а оба государства и сегодня имеют большой арсенал ядерного оружия по сравнению с другими четырьмя ведущими ядерными державами и постоянными членами Совета Безопасности ООН (США, Великобритания, Франция, Китай).

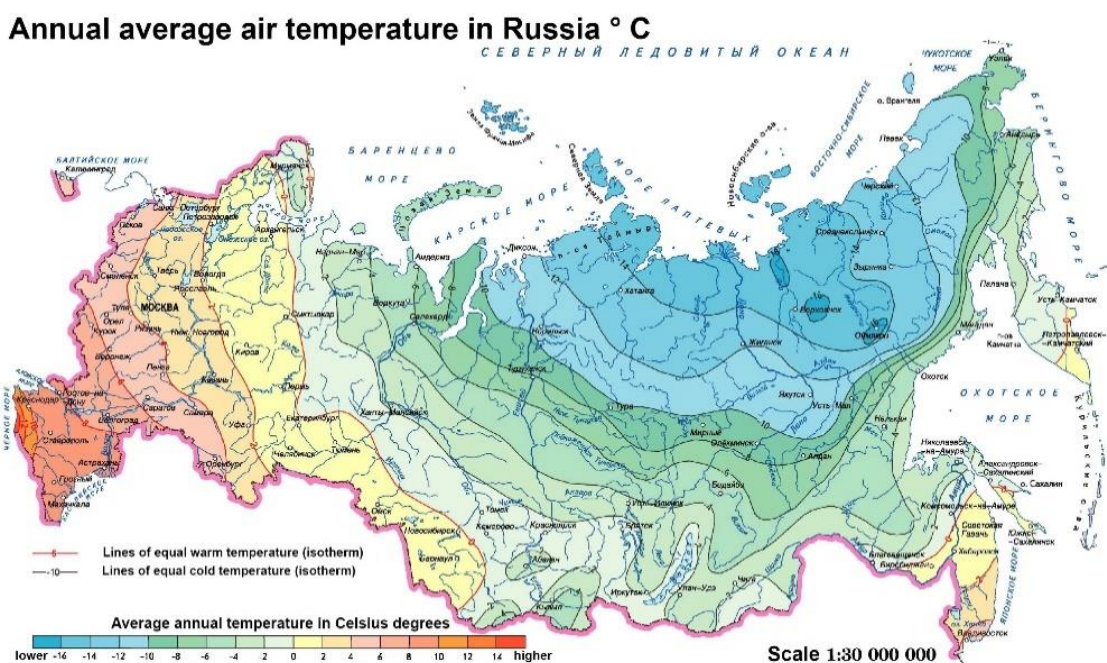
Кроме того, Россия остается многонациональным государством, где отдельные ареалы расселения, в особенности Поволжье, Северный Кавказ и Сибирь, известны своим высоким этническим разнообразием. Средняя Азия и Южный Кавказ, где Россия долгое время пользовалась влиянием как доминирующая региональная держава, всегда были родиной различных этнических групп.

Следует подчеркнуть, что в ходе территориальной и имперской экспансии России в Евразии никогда не было геноцида местных групп населения – во всяком случае, ничего, что было бы сопоставимо с событиями в Северной Америке. И, наоборот, до возникновения Советского Союза Россия всегда получала устойчивый приток населения, особенно из Западной Европы, взять к примеру ее многочисленное немецкое население (немцы Поволжья).

Пожалуй, наиболее характерная черта физической географии России связана со специфическими климатическими условиями страны, особенно это касается обширной Сибири (к востоку от Урала), где зимой преобладают арктические температуры. В то время как в северо-восточных областях Сибири столбик термометра может упасть ниже 60 градусов по Цельсию, в некоторых областях средняя годовая температура остается ниже -15 градусов по Цельсию. Именно среднегодовые температуры (см. следующую карту)

обусловили ситуацию крайней неравномерности расселения по территории страны: львиная доля населения России сосредоточена в западных областях, расположенных в Европе.

С начала регистрации метеорологических данных в начале XIX века среднегодовая температура России равнялась в среднем - 5,52 градусов Цельсия; в то время как за тот же период ежемесячный абсолютный максимум составил лишь 16,89 градусов по Цельсию (июль 2010 г.), абсолютный минимум упал до фактических - 30,58 (ноябрь 1838 г.). К этому можно было бы еще добавить, что эта низшая точка совпала с Малым ледниковым периодом, продолжавшимся до середины XIX века.

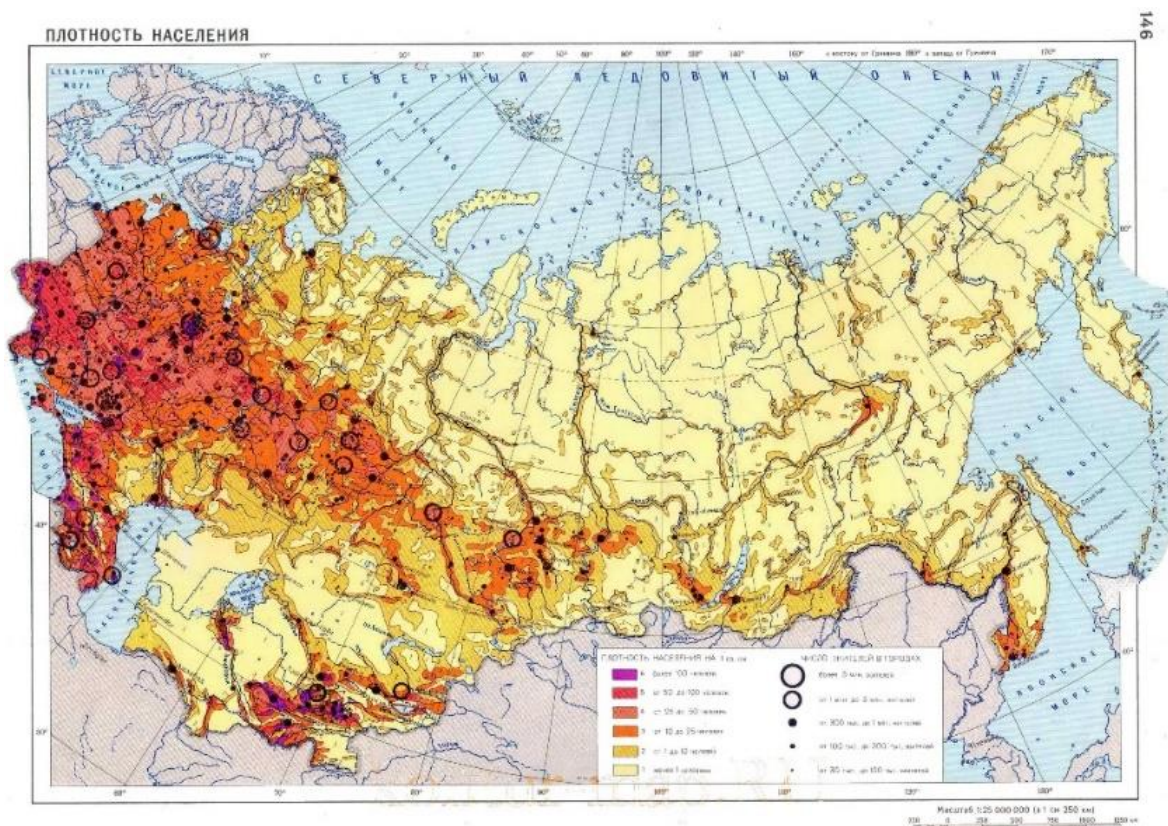

Карта: среднегодовая температура в России; The average annual temperature in Russia, Pinterest, URL: <https://www.pinterest.com/pin/312015080430448253> [4]

Очень холодные зимние месяцы, особенно в Сибири, привели к тому, что не только значительная часть населения, но и крупных городов и промышленных районов сосредоточены в западных и южных районах. Парадокс политической географии России состоит в том, что, хотя территориально Россия большей частью расположена в Азии и охватывает там практически всю Северную Азию, подавляющее большинство россиян

расселены в европейской части к западу от Урала, то есть того горного хребта, который географически отделяет Европу от Азии. Таким образом, Россия политически, экономически и культурно по своей сути является европейской страной.

Христианство Россия приняла от Византии более 1000 лет назад. Сегодня именно здесь локализована самая крупная религиозная христианская (православная) община. История европейской цивилизации была бы немыслима без российского вклада в науку, литературу, изобразительные искусства, классическую музыку, и, конечно, без театра.

Карта: плотность населения в России; Russland Bevölkerung Dichte Karte, Maps Russia, URL: <https://de.maps-russia.com/russland-bev%C3%B6lkerung-dichte-karte> [3]

Таким образом, Россия не только является территориально крупнейшей страной в Европе (даже в том, что касается европейской части к западу от Урала), но сегодня она по-прежнему остается сильнейшей в демографическом отношении страной Европы. При этом ее население в XX в. непропорционально сильно пострадало, даже в мировом масштабе.

Последствия этого демографического спада, что касается абсолютного числа жертв, был, пожалуй, превзойдены только событиями прошлого века в КНР (колонизация и военная оккупация, политическое злоупотребление властью, в особенности во время Культурной революции и политики одного ребенка, из-за которых Китай потерял статистически до 100 млн мирных жителей, в большинстве женщин). Что касается России и последующего Советского Союза, то совокупные жертвы вследствие двух мировых войн, Революции 1917 г., последующей Гражданской войны, а также политического злоупотребления властью составляют не менее 30 миллионов погибших от коллективного насилия, военных и гражданских лиц. Стоит добавить к этому относительно высокую численность среди населения жертв уголовных и трудовых лагерей (ГУЛАГ), бегства, изгнания и голода, вызвавших в России и СССР политические и экономические катастрофы, а также глубокие общественные потрясения конца XX века.

В то время как в отношении Китая имеются разные источники информации, и научные работники расходятся во мнениях насчет точного числа жертв тех исторических событий, все же ясно, что высокий процент людских потерь XX в. выпал на долю лишь нескольких стран. В Германии, потерявшей примерно 6 миллионов солдат на полях сражений во время Второй мировой войны и имевшей огромные потери в Первой мировой войне, остается спорным и вообще табуированным вопрос о числе гражданских жертв во Второй мировой войне. Только советская республика Казахстан потеряла в войне столько же солдат, сколько США во всей войне в целом, т. е. все погибшие американские солдаты на обоих фронтах в Европе и Тихоокеанском регионе вместе взятые (около 400 тысяч).

И в то время как Советский Союз в этой, до сих пор самой разрушительной войне в истории человечества, понес потери в 12 миллионов солдат (примерно в два раза больше, чем Германия) и этим внес решающий вклад в разгром вермахта, он потерял еще столько же мирного населения (в частности, в результате проведенной нацистами тотальной кампании по

уничтожению восточнославянских, в большинстве своем православных, народов). Только отдельно взятая советская республика Беларусь пережила в этой войне потери, равные трети всего населения.

Из всего этого следует, что географическое расположение страны непосредственно влияет на ее общее демографическое развитие, и что этот фактор часто гораздо более весом, чем экономика или политика. Если бы Россия, как, например, США, участвовала с «далекого» континента в главных военных конфликтах XX в., то ее население было бы примерно в два раза больше, чем сегодня, т.е. было бы почти равновеликим современным США (более 330 млн) даже без учета того, что она значительно бы выросла экономически за тот же период и, следовательно, пережила бы больший демографический приток.

При этом в современной России население в 146 млн по-прежнему сокращается. В 1990-е гг. статистически Россия теряла около миллиона человек в год. Ситуация была переломлена лишь с начала 2010 г. Но в пандемийный 2020 г. Россия вновь недосчиталась полумиллиона человек. И даже при этом она еще почти так же велика, как две крупнейшие по численности населения страны Западной Европы вместе взятые – Германия (83 млн) и Объединенное Королевство (67 млн).

Но Россия в целом всегда оставалась малонаселенной страной из-за своей большой площади и, прежде всего, того обстоятельства, что обширные территории с суровым климатом были практически необитаемы. Разительный контраст при сравнении с наиболее густонаселенной страной в мире – Бангладеш: численность населения составляет 171 млн, а площадь - чуть менее 150 тысяч кв. км. Плотность заселения в Бангладеш – более 1154 жителя на кв. км, в России – 9 человек на кв. км (одна из самых низких в Канаде, к примеру, 11 человек на кв. км, в Аргентине - 17). США насчитывают 35 человек на кв. км, Китай – 148, Западная Европа – 183, а Индия – 419. Только Исландия и Австралия, где также существуют сложные

метеорологические условия, являются еще менее заселенными, чем Россия – по 3 жителя на кв. км.

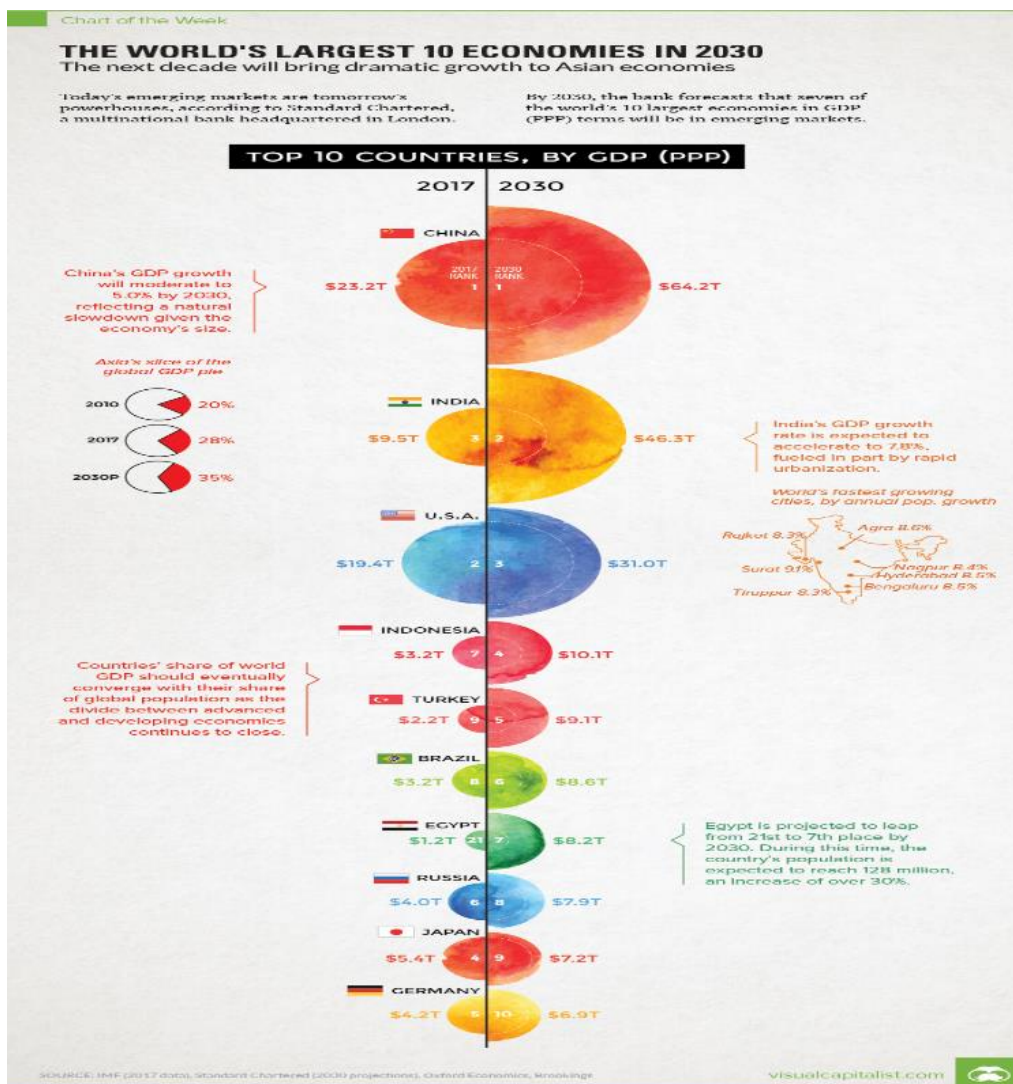
На этом фоне постоянно растущая Москва с ее 12,5 млн жителей – крупнейший город Европы, на треть больше, чем второй по величине город – Лондон (8 млн), далее следуют Берлин и Мадрид (более 3 млн). Равновелик двум столица G7, Парижу и Риму, (по 2,8 млн чел.) второй по величине город России – Санкт-Петербург с населением 5,4 млн жителей, что делает его четвертым крупнейшим городом Европы. С другой стороны, население Шанхая почти вдвое больше Москвы, а Китай на сегодня имеет более 100 городов с населением, превышающим 1 миллион жителей, что вдвое больше, чем все миллионные и крупные города Европы вместе взятые.

Неудивительно, что западноевропейские страны всегда с большим удивлением смотрели на своих восточноевропейских соседей, в демографическом смысле следующих в азиатском направлении. В этом «западном» восприятии было много восхищения, обаяния и привлекательности, но также осторожности и скептицизма, если не недоверия. В самом деле, география Западной Европы не только территориально относительно мала по сравнению с другими континентами, она также производит территориально расчлененное и, следовательно, относительно хрупкое впечатление (достаточно взглянуть на карту мира). Во всяком случае, если бы Россия могла провести индустриализацию в той же степени и с сопоставимой эффективностью, как, например, Германия или Япония (две страны с крупнейшей промышленной производительностью труда на рубеже XX века), то она, вероятно, доросла бы до абсолютной гипердержавы не только в Европе, но и в мировом масштабе. Правда, Советский Союз в сталинскую эпоху был достаточно силен в сравнении с Западом в промышленном отношении; но, с другой стороны, и Россия эпохи конституционной монархии испытывала заметный экономический подъем на рубеже веков и уже тогда могла бы претендовать на роль одной из ведущих

промышленных экономик, если бы военные и геополитические события начала XX века не замедлили ее экономическое и демографическое развитие.

У современной России, несмотря на демографические сложности, а также экономические санкции со стороны США и ЕС, благодаря в том числе проекту «Один пояс, один путь», который Китай запустил в 2013 г., есть новые перспективы процветания.

Согласно макроэкономическим прогнозам, экономика России в ближайшие два десятилетия сохранит свои позиции в группе топ-10 ведущих экономик (сменит нынешнее 6-е место на 8-е), в то время как в Западной Европе только Германия останется в топ-10 (с нынешнего 5-го места снизится до 10-ого, вслед за Японией, которая с 4-го места спустится на 9-е). В этой связи интересно было бы еще упомянуть, что к 2030 г. США обойдут не только Китай, но и Индия. И даже такая страна, как Турция продвинется с нынешнего 9-ого места на 5-е и займет место за Индонезией, но перед Бразилией). Турцию к экономическому росту приведет не только Новый Шелковый путь, но и центральное геостратегическое положение страны на логистическом стыке между Азией, Европой и Африкой. В связи с расширением Нового Шелкового пути в Западную Азию и Африку даже Египет поднимется с 21-ого на 7-е место, потому что – как уже неоднократно случалось в истории - исключительная роль и географическое положение этой страны как сухопутного моста между Африкой и Евразией приведут к ее экономическому возрождению.

Графика 1. Крупнейшие экономики в 2030 г.; Desjardins, J. The World's Largest 10 Economies in 2030, Visual Capitalist, 11 January 2019, URL: <https://www.visualcapitalist.com/worlds-largest-10-economies-2030> [1]

Особого внимания требуют и стратегические аспекты политической географии России, начиная с ее исключительного богатства полезными ископаемыми, уникальной роли сухопутного моста между Европой и Азией, а также новые геополитические параметры, возникшие в Евразии, в частности с появлением Нового Шелкового пути.

Список источников и литературы:

1. Desjardins J. The World's Largest 10 Economies in 2030, Visual Capitalist, 11 January 2019. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.visualcapitalist.com/worlds-largest-10-economies-2030> (дата обращения: 15.03.2021)
2. Friedman G. Europe: Destined for Conflict? [Электронный ресурс] // URL: www.youtube.com/watch?v=QeLu_yyz3tc (дата обращения: 15.03.2021)
3. Russland Bevölkerung Dichte Karte, Maps Russia. [Электронный ресурс] // URL: <https://de.maps-russia.com/russland-bev%C3%B6lkerung-dichte-karte> (дата обращения: 15.03.2021)
4. The average annual temperature in Russia, Pinterest. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pinterest.com/pin/312015080430448253> (дата обращения: 15.03.2021)

Ильюшин Павел Сергеевич
аспирант Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации
p.iliushin@mail.ru

Pavel S. Ilyushin
Post-graduate student of the Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
p.iliushin@mail.ru

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

INTERRELIGIOUS DIALOGUE AS AN INSTRUMENT FOR PREVENTION OF EXTREMISM AND TERRORISM IN RUSSIA

Аннотация. В третьем тысячелетии распространение экстремизма и терроризма под религиозными лозунгами стало проблемой общемирового масштаба. Борьба с этими явлениями является неотъемлемой частью государственной политики России. В этом направлении государство последовательно поддерживают традиционные религии России. Религиозные лидеры излагают свою консолидированную позицию относительно экстремизма - его чуждости всем религиям. Диалог, который проходит в рамках Межрелигиозного совета России, а также на государственных площадках, способствует профилактике распространения экстремизма и вносит существенный вклад в созидание межрелигиозного и межнационального мира и гражданского согласия в Российской Федерации.

Abstract. In the third millennium, the spread of extremism and terrorism under religious slogans has become a global problem. The fight against these phenomena is an integral part of Russia's state policy. In this direction, the state is reliably supported by the traditional religions of Russia. Religious leaders present their consolidated position on extremism, namely, that it is not characteristic of any religions. Interreligious dialogue, which takes place at the venue of the

Interreligious Council of Russia, as well as at state venues, contributes to the prevention of the spread of extremism, and makes a significant contribution to the creation of interreligious and interethnic peace and civil harmony in the Russian Federation.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, исламизм, государственная стратегия, религия, межрелигиозный диалог, межнациональное согласие.

Keywords: extremism, terrorism, Islamism, state strategy, religion, interreligious dialogue, interethnic harmony.

Ислам и терроризм: вопрос терминологии

В XXI в. распространение экстремизма и терроризма под религиозными лозунгами оказалось острой проблемой для международного сообщества. Согласно определению в Большой российской энциклопедии (БРЭ) экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) представляет собой приверженность к крайним политическим взглядам и методам достижения политических целей. Отличительными чертами экстремизма являются пропаганда насилия и других крайних средств [28, с. 291]. В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» раскрываются составляющие части этого явления. Среди них выделяются публичное оправдание терроризма, разжигание расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда исключительности либо неполноценности человека по признаку его национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии [27].

Крайней формой выражения экстремизма является терроризм [11, с. 101]. Терроризм (от лат. *terror* – страх), по определению БРЭ, представляет собой систему взглядов и преднамеренную деятельность лиц, групп и организаций, преследующую политические цели и систематически использующую методы террора [1, с. 92]. Обстоятельством, позволяющим различать экстремизм и терроризм, является тот факт, что экстремисты при всей своей деятельности, направленной на возбуждение и оправдание

ненависти и вражды, все же не прибегают к планомерной физической ликвидации своих противников. Терроризм, или террористическая деятельность, в соответствии с Федеральным законом «О противодействии терроризму», напротив, включает в себя организацию террористических актов, вербовку, обучение и вооружение террористов, участие в группировках, подготавливающих теракты, и распространение информации или материалов, подталкивающих к осуществлению террористической деятельности и оправдывающих ее необходимость [26].

В восприятии людей преступления, которые совершаются «во имя Бога», не могут не бросать тень на сами религии. Между тем религиозные лидеры Русской православной церкви, ислама, иудаизма и буддизма неоднократно излагали свою совместную точку зрения относительно экстремизма и терроризма, согласно которой ни одна религия не содержит в себе призывов к ненависти и насилию [4]. В действительности, преступления противоречат принципам всех традиционных религий. Однако проблема заключается в том, что у большинства людей терроризм ассоциируется с исламом.

Такое представление сформировалось не только в России, но и во всем мире. По данным Института экономики и мира (IER), самой опасной формой терроризма на Западе стал «религиозный терроризм, который почти исключительно принял форму радикального исламистского терроризма» [31, с. 61]. Этот термин применяется в официальных отчетах, научных статьях, средствах массовой информации, тем самым лишь закрепляя ассоциацию религии ислама с явлением терроризма.

Между тем террористические акты, произошедшие во Франции в октябре 2020 г., были осуждены многими авторитетными мусульманскими лидерами по всему миру, в том числе Французским советом исламской веры (CFCM), как ужасные акты насилия, не имеющие ничего общего с исламом [20]. Так, крупнейшая международная межрелигиозная организация «Религии за мир» (Religions for peace) выпустила заявление [29], в котором

осудила факт прикрытия злодеяний религией, из-за которого страдают многие мусульмане, боясь услышать об очередном теракте, совершенном якобы их единоверцем во имя Бога. Несомненно, что любое преступление, при совершении которого террористы кричат такб́ир (фразу «Аллаху акбар»), наносит большой ущерб исламу.

В этой связи необходимо четко понимать различие между исламом как религией и исламизмом как идейно-политическим движением, приверженцы которого ставят перед собой цель добиться внедрения норм шариата в общественно-политическую жизнь, используя при этом любые средства, включая терроризм [11, с. 118]. Г. А. Рудов, занимавший пост Чрезвычайного и полномочного посла РФ в Киргизии, говорит об усилении влияния ислама на социальные и политические процессы в странах Центральной Азии. Дипломат выделяет четыре стадии политизации этой религии: 1) политический ислам как курс на переустройство государственности; 2) исламский радикализм как неприятие отступления от исламских норм в обществе; 3) исламский экстремизм как воинствующее неприятие отклонения от исламских норм; 4) собственно терроризм как преступная деятельность, направленная на изменение конституционного строя в государстве [13, с. 142].

Исламский фактор используется в качестве движущей силы во многих политических процессах. Наблюдается политическая тенденция к эксплуатации религии для решения экономических, геополитических и энергетических проблем [13, с. 7]. В таких случаях религиозные идеалы, которыми руководствуются верующие, подменяются политическими целями.

Эти процессы не могут оставлять религиозных лидеров равнодушными. Религиозные деятели четырех традиционных религий России в один голос заявляют, что экстремисты и террористы используют цитаты, выхваченные из контекста Корана, но сам по себе корпус Писаний мусульман не содержит экстремистской идеологии [18]. Такая позиция зафиксирована и в российском законодательстве. Согласно Федеральному

закону «О противодействии экстремистской деятельности» Библия, Коран, Танах и Ганджур, содержание этих книг и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами [27].

С этой точки зрения термин «религиозный терроризм» не представляется корректным, как и «исламский терроризм» или «исламский экстремизм». «Терроризм под прикрытием религии», «терроризм под прикрытием ислама» больше отражают действительность. Крупный отечественный исламовед А. А. Нуруллаев в своей работе «Религия и политика» утверждает, что совершенно неверно определять террористические акты, «камуфлированные религиозными постулатами» как «религиозный экстремизм», так как, руководствуясь таким определением, государство направит свои усилия на поиск причин жестоких преступлений, совершаемых в действительности в целях достижения политической власти, в религии [15, с. 127]. Ученый предлагает термин «религиозно-политический экстремизм», точнее отражающий суть разрушительного явления.

Следует также отметить, что терроризм имеет место и в рамках других религий. Примерами могут служить появление терроризма в сикхских кругах в индийском штате Пенджаб, в результате которого произошло убийство премьер-министра Индии Индиры Ганди в 1984 г., а также индуистские нападения на мусульман и христиан [32]. Даже в рамках мировой религии буддизма образовалась террористическая организация «Аум Синрикё», на совести которой теракты в токийском метро в 1995 г. [10, с. 493]. Иными словами, носители любой религии, искаженно интерпретируя религиозное учение, могут быть причастны к терроризму, но при этом сама религия не может рассматриваться как его источник.

Различение этих понятий имеет большое значение для более точного определения причин возникновения экстремизма и терроризма. Это позволит выбирать более правильные методы борьбы с ними, а также поможет прогнозировать события и находить эффективные способы профилактики и преодоления этих пагубных явлений.

Причины возникновения экстремистских настроений и вовлечения новых adeptов в террористические организации

В связи с большим этническим разнообразием Российская Федерация является и поликонфессиональной страной. Точных данных относительно конфессионального состава России не имеется. При переписях населения в РФ в 2002 и 2010 гг. вопрос о религиозной принадлежности был опущен. Приблизительные данные о конфессиональном составе мы можем получить из опросов. Свод результатов разных социологических опросов дает следующие результаты: православные составляют 50,4% от населения страны (чуть более 73 млн чел.), на мусульман приходится 7,6 % населения (около 11 млн чел.), на каждую из прочих конфессий – менее 1% от общего населения (католики составляют 0,9 %, или около 1, 3 млн чел.; иудеи – 0,7 %, или около 950 тыс. чел.; буддисты – 0,4 %, или около 580 тыс. чел.) [21, с. 6].

Конфликты, возникшие на этнической или религиозной почве, могут подорвать стабильность и целостность государства. Это беспокоит как государственные и правоохранительные структуры, так и религиозные общины, последователи которых – граждане РФ – хотят жить в мире и добрососедстве друг с другом.

В связи с этим тема противодействия экстремизму присутствует в повестке дня Межрелигиозного совета России (МСР), основанного в 1998 г. и объединившего четыре традиционные религии страны: православие, ислам, иудаизм и буддизм. Первостепенным направлением деятельности Совета является укрепление межрелигиозного мира и межнационального согласия в российском обществе. По мнению участников МСР, цель террориста – расколоть общество, разжечь межэтническую и межрелигиозную рознь, породить ненависть людей друг к другу [9].

Среди факторов, влияющих на повышение рисков появления экстремизма, эксперты выделяют «неспособность отдельной части молодежи найти свое место в мире» [11, с. 112]. Согласно некоторым данным, почти

70% от числа всех террористов – молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет, а средний возраст террориста составляет примерно 28 лет [6, с. 505]. Факт привлечения в экстремистские круги преимущественно молодых людей, в особенности состоящих в неформальных националистских объединениях, зафиксирован в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [25]. В ней отмечается, что специальные службы отдельных государств расширяют информационно-психологическое воздействие на население России, преимущественно на молодежь, что обуславливается тем, что молодое поколение в большей степени присутствует в информационном пространстве посредством использования различных социальных сетей.

Незнание основ вероучений других религий становится хорошей почвой для распространения идей экстремизма и вербовки людей в ряды террористов. Ввиду этого в основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму в области образования и молодежной политики входит включение в образовательные программы мероприятий, способствующих формированию у подрастающего поколения уважительного отношения ко всем национальностям, религиям и культурам [25, п.32 е]. В этой связи благотворной является деятельность Межрелигиозного совета России, который в 2011 г. выпустил заявление, где была выражена поддержка идее введения в список школьных дисциплин предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России» [8]. В рамках этого курса ученик получает представление о светской этике, традиционных религиях России и их вкладе в общую культуру, историю и сегодняшнюю действительность нашей страны. В учебнике по этому предмету рассказывается о нравственных ценностях российского народа, исторически связанного с четырьмя религиозными культурами, прививается уважительное отношение ко всем религиям, существующим на равных условиях в нашей стране.

В Стратегии противодействия экстремизму также отмечается важность «повышения престижности образования в российских религиозных образовательных организациях» [25, п.32 е]. Благодаря усилиям Межрелигиозного совета России в 2015 г. в перечень научных дисциплин Высшей аттестационной комиссии была внесена специальность «Теология». Председатель Отдела внешних церковных связей митрополит Волоколамский Иларион, говоря о терроризме, отметил: «Война с терроризмом – это война на духовном поле. Главная линия фронта проходит по душам людей» [3]. Таким образом, высшая школа также способствует подготовке специалистов в области религиоведения. В России существуют высшие учебные заведения, учрежденные религиозными организациями. Среди них можно выделить Общецерковную аспирантуру и докторантуру им. св. равноапостольных Кирилла и Мефодия, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Болгарскую исламскую академию, Российский исламский университет, Буддийский университет «Даши Чойнхорлин». Помимо этого, в нескольких десятках государственных вузов по всей стране можно получить образование по специальности «Теология». Просвещение и широкие научные дискуссии на тему толерантности, особенностей разных религий и традиций укореняют в обществе понимание, что нет никакой связи между насилием и религией. Так, на заседании Межрелигиозного совета России в феврале 2017 г. один из мусульманских лидеров нашей страны Шафиг Пшихачев отметил: «Наши мусульманские лидеры, знающие свою религию, стали в авангарде противодействия экстремизму на юге России» [18]. Повышение уровня подлинных знаний в вопросах религии может быть эффективным методом профилактики идеологии экстремизма и высшей степени его проявления – терроризма.

К принятию экстремистской идеологии приводят не только искаженная интерпретация религии, но и попытки навязать российскому обществу нравственную вседозволенность, что вызывает негативную реакцию у тех, кто ищет какие-либо моральные ориентиры в жизни. Однако такие люди

порой попадают в ловушку экстремистов, которые приходят на помощь и поначалу приобщают единоверцев к религии, которая впоследствии преподносится в нужном экстремистам ключе. Вербовщики и проводники экстремизма используют желание человека бороться за нравственные ценности. Радикальная интерпретация ислама рождается как раз из салафитских концепций, которые объясняют несправедливость современного мира «отходом от идеалов раннего ислама» [23, с. 50]. Рассуждая на тему экстремизма, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл подчеркнул: «Эффективное противостояние экстремизму невозможно без уважительного отношения к традиционным религиозно-нравственным ценностям в жизни общества; в этом случае радикализм может утратить свою убедительность даже для сторонников “чистоты веры”» [19].

Ввиду этого Межрелигиозный совет России придает особое значение продвижению традиционно-нравственных ценностей, а также воспитанию уважения ко всем религиям, решительно осуждает провокации в отношении чувств верующих, что может быть использовано при вербовке людей в ряды экстремистов.

Государственное регулирование в области религиозной терпимости и противодействия терроризму

Борьба с терроризмом и профилактика экстремизма являются неотъемлемой частью государственной политики России, что закреплено в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Согласно этой Стратегии определяются задачи государственной политики: 1) «содействие активному распространению идеи исторического единства народов Российской Федерации»; 2) «развитие международного, межкультурного и межконфессионального взаимодействия как эффективного средства противодействия распространению экстремистской идеологии» [25]. В связи с этим вопросы профилактики экстремизма и борьбы с

терроризмом входят в перечень вопросов правоохранительных и других государственных органов.

При различных государственных структурах (Государственной Думе ФС РФ, Правительстве, Совете Федерации, Министерстве юстиции, Администрации Президента РФ) существуют ведомства по взаимодействию с религиозными организациями, которые призваны тесно сотрудничать с ними по ряду направлений. Среди этих направлений можно выделить сотрудничество в миротворческой деятельности, непосредственно связанное с предупреждением межнациональных и межрелигиозных конфликтов, а также совместную деятельность по борьбе с дестабилизирующими социальную ситуацию псевдорелигиозными организациями. Важной областью сотрудничества представителей различных религий и государства также является сохранение традиционных нравственных ценностей, что включает в себя образовательную, духовно-просветительскую и воспитательную деятельность среди населения страны, и, прежде всего, подрастающего поколения, а также противодействие деструктивным тенденциям в духовно-нравственной сфере. На государственных площадках регулярно проводятся конференции и встречи с религиозными деятелями. Например, в марте 2017 г. на заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ была поддержана инициатива Русской православной церкви и мусульманских религиозных организаций по оказанию гуманитарной помощи населению Сирии [7]. В результате этого в период с 2017 по 2020 гг. было направлено около 100 тонн гуманитарной помощи, закупленной религиозными организациями, а также в Дамаске была открыта пятиэтажная общеобразовательная школа на 1200 учащихся [12, с. 50].

На последнем в 2020 г. заседании Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации, посвященном победе в Великой Отечественной войне, было отмечено, что победа в ВОВ стала общей победой всех народов Советского

Союза, «в том числе миллионов верующих, исповедующих христианство, ислам, иудаизм, буддизм и другие религии» [17, с. 1]. В отчетном докладе были даны рекомендации Министерству просвещения РФ включить в курс ряда дисциплин вопросы, связанные с взаимодействием традиционных религий «в сфере укрепления единства многонационального народа России и гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений» [17, с. 10].

Еще одним примером межрелигиозного сотрудничества может служить проходящий ежегодно, начиная с 2014 г., международный молодежный межрелигиозный форум в Дагестане, организатором которого выступает Министерство по национальной политике и делам религий РД совместно с православной, мусульманской и иудейской религиозными организациями. В рамках этого форума молодежь различных вероисповеданий участвует в конференциях, тренингах, мастер-классах, спортивных соревнованиях, экскурсиях, в том числе в религиозные объекты, а также встречается с политиками, общественными и религиозными деятелями, учеными и спортсменами [24].

Подобная площадка – молодежный межрелигиозный дискуссионный клуб – была учреждена в Москве в ноябре 2020 г. Отделом по делам молодежи Московской епархии Русской православной церкви и Духовным собранием мусульман России, с планами включить позднее в межрелигиозный клуб представителей иудейской и буддистской общин [22]. Деятельность молодежного межрелигиозного клуба нацелена на укрепление здоровых межконфессиональных отношений в молодёжной среде и предупреждение ксенофобии и экстремизма.

Демонстрация духовными лидерами добрососедских отношений, а также регулярные встречи и обсуждение актуальных проблем способствуют поддержанию хорошего «социального климата» в России [14, с. 224]. В целях улучшения такого климата распоряжением президента России от 6 мая 2020 г. на 2022 г. запланировано проведение Всемирной конференции по межрелигиозному и межэтническому диалогу. В состав Организационного

комитета конференции вошли религиозные лидеры четырех традиционных религий страны [16].

В День народного единства 4 ноября 2020 г. В. В. Путин, общаясь с религиозными лидерами в режиме видеоконференции, отметил: «Для нашей большой, огромной страны межнациональный и межрелигиозный мир – это основа основ... Особая роль в гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений, в предупреждении экстремизма и терроризма принадлежит духовным лидерам России. К вашему мнению, слову люди прислушиваются. И когда звучит ваша солидарная позиция, чёткая приверженность ценностям мира, добра и милосердия – это имеет огромное значение» [2].

Российская Федерация преуспевает в деле укрепления межнационального и межрелигиозного мира. Согласно ежегодному докладу «Глобальный индекс терроризма», представленному в ноябре 2020 г. международным Институтом экономики и мира (ИЕР), Россия при коэффициенте 4.542 заняла 39 место в рейтинге стран с наиболее тяжелой ситуацией по терроризму [31, с. 8]. Для сравнения: в 2014 г., на который пришелся пик международного терроризма, Россия занимала 11 место с коэффициентом 6.76 [30, с. 8]. В 2019 г. от рук террористов в России погибло 16 человек, что является наименьшим показателем за 2002-2019 гг. Президент Федерации еврейских общин России А. Борода, рассуждая о проявлении нетерпимости и актах экстремизма в мире, заявил: «Буквально каждые две-три недели мы слышим что-то из Америки, Европы, Австралии, где происходят те или иные события. Смотрите на Россию, на то, как здесь организована борьба со всеми проявлениями ксенофобии... с любым проявлением экстремизма, религиозной ненависти» [5].

Экстремизм и терроризм, прикрытые религией, представляют угрозу национальной безопасности. Они направлены на подрыв государственности и территориальной целостности России. В российском контексте многообразия национальностей, этносов и религий крайне важное значение

приобретает сохранение общественного согласия. При возрастании религиозного фактора в социально-политической жизни и в российских условиях мультикультурализма, совместная деятельность религиозных лидеров в рамках межрелигиозного диалога и сотрудничества государства с институционализированными конфессиями представляются хорошей возможностью для использования стабилизационного потенциала религий в целях выстраивания эффективной работы по профилактике и предупреждению экстремизма и терроризма, поддержания гражданского мира и политической стабильности государства.

Список источников и литературы:

1. Бекашев К. А. Терроризм / Большая российская энциклопедия. – Т. 32. – М., 2016. – С. 92.
2. Встреча с представителями религиозных объединений (4 ноября 2020 года) / Президент России: [офиц. сайт]. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64336> (дата обращения: 29.02.2021)
3. Выступление митрополита Волоколамского Илариона на научно-богословской конференции «Богословское осмысление феномена терроризма и экстремизма» (12.05.2018) / Митрополит Иларион (Алфеев). [Электронный ресурс] // URL: <https://hilarion.ru/subreport/vystuplenie-mitropolita-volokolamskogo-ilariona-na-nauchno-bogoslovskoy-konferentsii-bogoslovskoe-os.html> (дата обращения: 29.02.2021)
4. Выступления участников заседания Президиума Межрелигиозного совета России (21 февраля 2017) / Межрелигиозный совет России: [офиц. сайт]. [Электронный ресурс] // URL: http://interreligious.ru/materials/countering-extremism/countering-extremism_6.html (дата обращения: 29.02.2021)

5. Глава ФЕОР призвал брать пример с России в борьбе с экстремизмом (24.01.20) / РИА Новости: [сайт]. [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20200124/1563838117.html> (дата обращения: 29.02.2021)

6. Гришко А.Я. Личность террориста: криминологический портрет 2-е изд., перераб. и доп. // Терроризм. Правовые аспекты противодействия. Нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи. – М.: Эксмо, 2007. – 518 с.

7. Заседание Совета по взаимодействию с религиозными объединениями (30 марта 2017 года) / Президент России: [официальный сайт]. [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/17/54156> (дата обращения: 29.02.2021)

8. Заявление Межрелигиозного совета России в связи с законопроектом «Об образовании в Российской Федерации» (03 ноября 2011) / Межрелигиозный совет России: [официальный сайт]. [Электронный ресурс] // URL: http://interreligious.ru/documents/statements/statements_18.html (дата обращения 29.02.2021)

9. Заявление Межрелигиозного совета России в связи с нападением на верующих в Кизляре / Межрелигиозный совет России: [официальный сайт]. [Электронный ресурс] // URL: http://interreligious.ru/materials/countering-extremism/countering-extremism_19.html (дата обращения: 29.02.2021)

10. Кантеров И.Я. Аум Синрикё / Большая российская энциклопедия. – Том 2. М., 2005. – С. 493.

11. Кафтан В.В. Противодействие терроризму: учебное пособие для вузов / В. В. Кафтан. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 262 с.

12. Лавренова С.А. Деятельность Межрелигиозной рабочей группы по оказанию гуманитарной помощи населению Сирии в период с 2017 по 2019 год // Христианство на Ближнем Востоке. – 2019. – № 3. – С. 43-51.

13. Материалы круглого стола: «Диалог религий в современном мире: проблемы и перспективы» – 2017 / отв. ред. Колосова И.В. – М.: ДА МИД России, 2017. – 250 с.

14. Мельник С.В. Дипломатический межрелигиозный диалог // Миссия конфессий. – 2020. – Т. 9. – № 2 (43). – С. 217-227.
15. Нуруллаев А.А. Религия и политика: учеб.пособие / А.А. Нуруллаев, А.Ал. Нуруллаев. – М: Типография «Наука» РАН, 2006. – 330 с.
16. Распоряжение Президента Российской Федерации от 06.05.2020 г. № 121-рп «Об утверждении состава Организационного комитета по подготовке и проведению Всемирной конференции по межрелигиозному и межэтническому диалогу» / Президент России: [офиц. сайт]. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45512> (дата обращения: 29.02.2021)
17. Решение Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (1 декабря 2020) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: [офиц. сайт]. [Электронный ресурс] // URL: <http://council.gov.ru/media/files/gTnAwy0ebbarmRWQ6gjPsft5iqhe2ZAY.pdf> (дата обращения: 29.02.2021)
18. Святейший Патриарх Кирилл возглавил заседание Президиума Межрелигиозного совета России (22 февраля 2017) / Русская Православная Церковь: [офиц. сайт]. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4810009.html> (дата обращения: 29.02.2021)
19. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на заседании Президиума Межрелигиозного совета России (22 февраля 2017) / Русская Православная Церковь: [офиц. сайт] [Электронный ресурс] // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4810118.html> (дата обращения: 29.02.2021)
20. Совет мусульман Франции осудил нападение в Ницце (29 октября 2020) / Russia Today: [сайт] [Электронный ресурс] // URL: <https://russian.rt.com/world/news/797459-sovet-nicca-napadenie> (дата обращения: 29.02.2021)

21. Современные верования и конфессии в России: справочник / [А. А. Желтов и др.]; под общ. ред. А.А. Желтова; Федер. служба исполн. наказаний, Вологод. ин-т права и экономики. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. – 162 с.

22. Состоялась встреча Молодежного дискуссионного клуба / Межрелигиозный совет России: [офиц. сайт] [Электронный ресурс] // URL: http://interreligious.ru/news/news-religious-communities/news-religious-communities_524.html (дата обращения: 29.02.2021)

23. Сурма И.В., Шангараев Р.Н. Религиозно-политический терроризм и его социально-исторические корни // Обозреватель-Observer. – 2017. – № 7. – С. 48-59.

24. Торжественное открытие VII Международного межрелигиозного молодёжного форума состоялось в Дагестане (22 сентября 2020) / Махачкалинская епархия: [офиц. сайт] [Электронный ресурс] // URL: <http://goragospodnya.ru/2020/09/22/v-dagestane-otkrylsya-vii-mezhhdunarodnyj-mezhreligioznyj-molodezhnyj-forum/> (дата обращения: 29.02.2021)

25. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» / Президент России: [офиц. сайт] [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555/page/1> (дата обращения: 29.02.2021)

26. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» / Президент России: [офиц. сайт] [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23522> (дата обращения: 29.02.2021)

27. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» / Президент России: [офиц. сайт] [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939> (дата обращения: 29.02.2021)

28. Яшлавский А.Э. Экстремизм / Большая российская энциклопедия. – Том 35. – М., 2017. – С. 291.

29. Condemning Violence in the Name of Religion – Committing to Building Bridges with Love / Religions for Peace. [Official website]. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rfp.org/condemning-violence-in-the-name-of-religion-committing-to-building-bridges-with-love/> (дата обращения: 29.02.2021)

30. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney. 2014. 94 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/10/Global-Terrorism-Index-Report-2014.pdf> (дата обращения: 29.02.2021)

31. Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2020: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney. 2020. 109 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf> (дата обращения 29.02.2021)

32. Why India Deserves to be Labeled as a Country of Particular Concern, Part 2 // Persecution/ [website]. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.persecution.org/2020/10/27/india-deserves-labeled-country-particular-concern-part-2/> (дата обращения: 29.02.2021)

Стародубова Ксения Алексеевна
стажёр Дипломатической академии Министерства иностранных дел
Российской Федерации
kse.likse57@gmail.com

Научный руководитель: **Сурма Иван Викторович**
к.э.н., заведующий кафедрой государственного управления во
внешнеполитической деятельности,
Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской
Федерации,
isurma@yandex.ru

Ksenia A. Starodubova
Doctoral candidate in political science
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
kse.likse57@gmail.com

Scientific adviser: **Ivan V. Surma**
Ph.D., Head of the Department of Public Administration in Foreign Policy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
isurma@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ РОССИИ И США К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МИЛИТАРИЗАЦИИ КОСМОСА

CONCEPTUAL APPROACHES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES OF AMERICA TO THE DEFINITION OF THE MILITARIZATION OF OUTER SPACE

Аннотация. Статья посвящена изучению актуальной ситуации развития двусторонних российско-американских отношений в рамках их внешнеполитических курсов в космической сфере. Рассматриваются основные подходы к определению понятия «милитаризация космоса» в ключевых национальных стратегических документах России и США.

Abstract. This article is devoted to the study of the current situation in the development of bilateral U.S.-Russia relations in the framework of its foreign policy courses in outer space activities, and also examines the main approaches to

the definition of "militarization of space" in the key national strategic documents of Russia and the United States.

Ключевые слова: милитаризация космоса, международная безопасность, контроль над вооружениями, космические силы, вооружение в космосе, ПРО, космические технологии, демилитаризация, угрозы национальной безопасности.

Key words: militarization of outer space, international security, arms control, space forces, weapons in space, missile defense, space technologies, demilitarization, threats to national security.

На смену глобальному космическому ажиотажу второй половины XX в., который в разной степени охватил большое количество государств, пришла гонка вооружений ведущих держав биполярного мира. В короткие сроки космос как качественно новая сфера для развития научно-исследовательских технологий превратился в арену конкуренции и противостояния политических амбиций ведущих держав. Ракетно-ядерная гонка вооружений между СССР и США, ставшая апогеем холодной войны, с легкостью могла выйти за пределы планетарного масштаба. Осознавая всю опасность последствий развития данной ситуации, международное сообщество приложило колоссальные усилия по предотвращению милитаризации космического пространства, в частности принятые меры затронули вопросы ограничения размещения ядерного оружия в космосе. В результате был сформирован международно-правовой режим, регулирующий деятельность государств в космосе. В его основу были положены такие международные договоры, как Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г., Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое

пространство 1976 г., Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1984 г. и др.

На сегодняшний день российско-американские отношения сложно назвать партнёрскими. Уровень напряженности двустороннего диалога сохраняется, что зачастую сказывается на согласовании решений целого ряда важнейших мировых политических вопросов. В частности, международная космическая повестка дня наиболее отчётливо демонстрирует разногласия и противостояние национальных интересов России и США, а сохранение наследия политического мышления эпохи холодной войны является отягощенным анамнезом двусторонних отношений.

Летом 2020 г. Белый дом опубликовал новую национальную космическую стратегию США. В документе говорится о том, что из-за стремлений других государств посягнуть на национальные интересы США (и их союзников) космос «стал зоной военных действий» [8, с.2] и теперь рассматривается как приоритетная область для деятельности вооруженных сил и организации разведывательной деятельности. Незадолго до этого вице-президент Майк Пенс упомянул об активных разработках комических вооружений, проводимых Россией и Китаем. Очевидно, речь шла о заявлениях Пентагона, что 15 июля 2020 г. Россия провела испытания противоспутникового оружия. Что касается Китая, то в данном контексте озабоченность руководства США вызывает проект создания орбитальной пилотируемой космической станции.

На первый взгляд, желания руководства США «обеспечить безопасность, стабильность и доступность космической сферы» [8, с.5] звучат более чем благородно, однако нельзя забывать о том, что, помимо интересов США, нужно учитывать и интересы других государств. Необходимо отметить, что в стратегии не прописано, кого именно США рассматривают в качестве космических соперников. Тем не менее средства обеспечения национальных интересов США в космосе носят исключительно милитаристический характер.

Также в тексте стратегии отражение нашел ряд объективно адекватных инициатив в сфере космической деятельности, например, планы США на высадку на Луну. Однако их количественное соотношение ничтожно по сравнению с идеями американского лидерства и доминирования в космосе, а также жёсткой дифференциации государств на «своих» и «чужих».

На самом деле лейтмотив милитаризации космоса – далеко не новое явление во внешнеполитическом курсе США. Предтечей агрессивной космической политики Дональда Трампа являются милитаристические императивы, сформулированные еще в эпоху президентства Рональда Рейгана. Но Трамп, по сравнению со своими предшественниками, провел самую масштабную космическую реформу в период с 2019-2020 гг.:

1. Март 2019 г. – создание Агентства космического развития (Space Development Agency, SDA). Первостепенная задача организации – сохранить лидерство США на фоне возрастающей конкурентной борьбы с другими державами [9];

2. Июль 2019 г. – SDA разработало план по закреплению политической архитектуры космоса [10]; озвучиваются планы по милитаризации космического пространства в целях защиты национальных интересов США;

3. Август 2019 г. – в составе Вооруженных Сил США создается Космическое командование (SPACECOM);

4. Декабрь 2019 г. – в США появляется новый вид ВС – Космические силы США.

Таким образом, наращивание военных амбиций США в космической сфере идет вразрез не только с интересами других участников международных космических проектов, но и ставит под угрозу мир и стабильность всего международного сообщества.

Согласно положениям действующего Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., космическое «не

подлежит национальному присвоению ни путём провозглашения на него суверенитета, ни путём использования или оккупации, ни любыми другими средствами»[2]. Однако есть еще один документ (Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.), который запрещает использовать Луну и другие небесные тела в военных целях [4], но он не был подписан ни США, ни СССР. Фактически, в отличие от четко оформившегося режима нераспространения ядерного оружия, на данный момент существует достаточно скудный правовой спектр инструментов, который может адекватно справиться с актуальными вызовами космической безопасности.

Отдельное поле для исследований представляет вопрос о разделении понятий «милитаризация» и «вепонизация». В современном российском и американском дискурсе, а также в официальных документах нет четкого разделения этих понятий. На наш взгляд, наиболее удачный пример, демонстрирующий принципиально важную разницу этих понятий, привел Постоянный представитель РФ в Вене Михаил Ульянов: «Следует понимать разницу между милитаризацией и вепонизацией космоса. Милитаризация подразумевает преимущественно спутники, выполняющие военные задачи: наблюдение, разведку, связь. Она кардинально отличается от вепонизации – размещения оружия в космосе на постоянной основе» [5]. Исходя из этого, попытки предотвратить милитаризацию космического пространства тщетны, т.к. на околоземной и геостационарной орбитах, по разным подсчетам, сейчас находится около 20 000 искусственных объектов (часть из которых является космическим мусором) [7], 2700 из которых - действующие астрономические, метеорологические, навигационные, орбитальные и др., которые в любой момент могут быть переведены в режим военного использования.

На национальном уровне стратегических документов России отдельно не прописываются вопросы космической проблематики, как это сделано в США. Безусловно, у России насчитывается множество проектов, связанных с

космической сферой как в научно-исследовательском, так и в оборонно-военном секторах. Однако любые попытки и шаги сторонних акторов, направленные на наращивание военного присутствия и превращения космоса в пространство для политического давления и иных провокаций, рассматриваются как угроза национальной безопасности России, а также всей системе международной безопасности.

В свою очередь, Россия ведет активную деятельность по ограничению возможностей какой-либо страной милитаризировать космическое пространство. 22 сентября 2020 г. в ходе выступления на Генассамблее ООН Президент РФ Владимир Путин призвал все государства, располагающие космическим потенциалом принять договор, запрещающий размещать вооружения в космосе, а также выступил с предложением о запрете применения силы или каких-либо угроз по отношению к космическим объектам [1]. Российская риторика основывается на принципах справедливого использования космического пространства, снижения уровня напряженности, а также сохранения военного паритета мировых держав.

В декабре 2019 г. Генассамблея ООН приняла несколько резолюций по демилитаризации космического пространства, автором двух из них выступила Россия: Резолюция A/RES/74/67 «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности», Резолюция A/RES/74/34 «Дальнейшие практические меры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве», Резолюция A/RES/74/33 «Неразмещение первыми оружия в космосе», Резолюция A/RES/74/32 «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве» и Резолюция A/RES/74/82 «Международное сотрудничество в использовании космического пространства в мирных целях». В этой связи Россия демонстрирует беспрецедентный уровень заинтересованности во взаимовыгодном многостороннем сотрудничестве в космической сфере со всеми государствами, основываясь на равноправии и взаимности.

Таким образом, на сегодняшний день актуальные проблемы международной безопасности и риски размещения новых вооружений вышли за привычное, в политическом понимании, земное поле. США все активнее закрепляют за собой статус ведущей космической державы, а космос рассматривают в качестве арены реализации своих национальных интересов и демонстрации милитаристических настроений. В то же время российская сторона заинтересована в активном политическом диалоге по проблематике демилитаризации космического пространства и призывает всех членов международного сообщества поддержать инициативы по совместному мирному использованию космоса исключительно в фарватере транспортных мер сотрудничества [3, с. 3] и предотвращению размещения оружия на околоземной орбите и космическом пространстве.

Список источников и литературы:

1. Выступление В. Путина на пленарном заседании юбилейной, 75-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64074/videos> (дата обращения: 05.01.2021)
2. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 09.01.2021)
3. Резолюция A/RES/74/67 «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности» телах [Электронный ресурс] // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/67> (дата обращения: 03.01.2021)

4. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/2541174/> (дата обращения: 04.01.2021)
5. Цитата Постоянного представителя РФ в Вене Михаил Ульянов [Электронный ресурс] // URL: https://twitter.com/amb_ulyanov/status/1162398104429244417 (дата обращения: 06.01.2021)
6. Яковенко А.В. Прогрессивное развитие международного космического права : актуальные проблемы / А. В. Яковенко ; МГИМО(У) МИД РФ. – М. : Международные отношения, 1999. – 168 с.
7. Вокруг Земли уже очень много космического мусора — скоро на орбите не останется места! [Электронный ресурс] // URL: <https://meduza.io/feature/2020/06/28/vokrug-zemli-uzhe-ochen-mnogo-kosmicheskogo-musora-skoro-na-orbite-ne-ostanetsya-mesta> (дата обращения: 06.01.2021)
8. DEFENSE SPACE STRATEGY SUMMARY [Электронный ресурс] // URL: https://media.defense.gov/2020/Jun/17/2002317391/-1/-1/1/2020_DEFENSE_SPACE_STRATEGY_SUMMARY.PDF (дата обращения: 07.01.2021)
9. Официальный сайт Space Development Agency [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sda.mil/home/about-us/> (дата обращения: 03.01.2021)
10. Официальный сайт Space Development Agency [Электронный ресурс] // URL: <https://www.sda.mil/sdas-2020-plans-take-shape/> (дата обращения: 03.01.2021)

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Смирных Сергей Евгеньевич,

кандидат юридических наук,

ученый секретарь

Российской Ассоциации международного права

marya_babanova@inbox.ru

Научный консультант: заслуженный юрист РФ,

доктор юридических наук, профессор,

вице-президент Российской Ассоциации международного права

Ляхов Евгений Григорьевич

e.lyahov@customs-academy.ru

Sergey E. Smirnykh,

PhD in Law,

General Secretary

of the Russian Association of International Law

marya_babanova@inbox.ru

Academic advisor - Honored Lawyer of the Russian Federation

Doctor of Law, Professor,

Vice-President of the Russian Association of International Law

Lyakhov Evgeny Grigorievich

e.lyahov@customs-academy.ru

РЕБЕНОК-СОЛДАТ КАК СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

THE CHILD SOLDIER AS SUBJECT OF INTERNATIONAL LEGAL RELATIONS

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы международно-правового статуса детей-солдат в современном международном праве. Международное сообщество сталкивается с трудной проблемой защиты детей-солдат, с которыми следует обращаться в первую очередь как с жертвами, а не как с нарушителями прав человека. Государствам следует

выполнять свои обязательства по международному гуманитарному и международному уголовному праву в отношении детей-солдат. Они должны действовать исходя из интересов детей, а также отдавать предпочтение их реабилитации и реинтеграции, а не уголовному преследованию детей-солдат. В связи с этим государствам необходимо способствовать реинтеграции детей-солдат в их общины, помогать им продолжать обучение и преодолевать психологические и физические травмы, нанесенные войной.

Abstract. This article examines the international legal status of child soldiers in contemporary international law. The international community faces the difficult challenge of protecting child soldiers, who should be treated primarily as victims rather than as human rights violators. States should comply with their obligations under international humanitarian law and international criminal law with respect to child soldiers. They must promote the welfare and best interests of children and prioritize rehabilitation and reintegration over prosecution of child soldiers. In this regard, states should work to reintegrate child soldiers into their communities, continue their education and help them overcome the psychological and physical trauma of war.

Ключевые слова: понятие «ребенок-солдат», субъект международно-правовых отношений, вооруженные конфликты, эксплуатация, насилие.

Keywords: child soldier, subject of international legal relations, armed conflict, exploitation, violence.

В современном мире насчитывается по меньшей мере 250 000 детей-солдат в 20 странах [1]. Сотни тысяч детей привлекают в правительственные вооруженные силы или вооруженные группы оппозиции и подготовлены к бою в любой момент. Многие из них призваны в армию на законных основаниях. Других похищают или каким-либо иным способом насильно принуждают вступать в ряды вооруженных сил. Несмотря на то, что большинство детей-солдат находится в возрасте от 15 до 18 лет, их массовый

призыв в армию начинается в возрасте 10 лет. Кроме того, есть примеры привлечения детей еще меньшего возраста [2].

Одним из наиболее серьезных нарушений прав человека является вербовка детей в солдаты национальными армиями или вооруженными группами, которые сражаются с правительственными войсками в более чем двадцати странах мира [3]. Принудительная вербовка детей под угрозой физического насилия практикуется вооруженной оппозицией и национальными вооруженными силами [4].

Проблема детей-солдат является глобальной. Внутренние вооруженные или социально-культурные конфликты, нищета, неграмотность, невежество, отсутствие безопасности, а также религиозные, социальные и политические обстоятельства считаются одними из основных причин ее распространения.

Согласно ст. 1 Конвенции о правах ребенка 1989 г. детьми являются человеческие существа до достижения ими 18-летнего возраста, если по закону, применимому к ним, они раньше не становятся совершеннолетними.

В связи с этим под «ребенком-солдатом» понимается любое лицо в возрасте до 18 лет, которое становится частью регулярной или нерегулярной вооруженной силы или вооруженной группы, действующей от лица государства, включая поваров, носильщиков, посыльных и тех, кто сопровождает такие группы, кроме как исключительно в качестве членов семьи.

Это определение было впервые предложено в 1997 г. на Кейптаунской конференции по проблеме детей-солдат среди международных организаций и стало официальным определением понятия «ребенок-солдат» Детского фонда Организации Объединенных Наций. С этого его момента начали использовать большинство гуманитарных и правозащитных организаций, и в настоящее время оно является стандартным и универсальным.

Два наиболее важных правовых документа, регулирующих международно-правовой статус детей-солдат, - Римский статут 1998 г., учреждающий Международный уголовный суд в Гааге [5], и

Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах 2000 г. [6].

В настоящее время многочисленные международные и внутренние конфликты в разных регионах Земли создают условия для масштабных нападений на гражданских лиц, что говорит о необходимости гарантировать защиту, предусмотренную нормами международного права, раненым, больным, лицам, лишенным свободы, гражданскому населению [7].

Государства в ряде случаев проигрывают условиям вербовщиков, угрожающих безопасности официальных и общественных институтов и каждого гражданина, поскольку не имеют единого соразмерного предупредительного пакета мер: материальных, социальных, правовых, криминологических [8].

Согласно п. 4 Декларации о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов 1974 г. [9] государства, участвующие в вооруженных конфликтах, должны прилагать все усилия для того, чтобы защитить детей от разрушительных последствий войн. Должны быть предприняты все необходимые шаги с тем, чтобы добиться запрещения таких мер, как преследование, пытки, карательные меры, унижительное обращение и насилие, в частности против детей.

При этом понятие «ребенок-солдат» может показаться «неестественным сочетанием двух противоречивых и несовместимых терминов» [10]. И все же в истории существует множество примеров детей-солдат. В XIX в. К. Клаузевиц начал свою выдающуюся карьеру в армии Габсбургов в возрасте 12 лет в звании младшего капрала. Сто лет спустя Дж. Оруэлл писал о гражданской войне в Испании, в которой «здесь и там, в ополчении, встречаются дети в возрасте одиннадцати лет, которые были зачислены в качестве ополченцев» [11].

В XX в. изменилось восприятие детей, участвующих в вооруженных конфликтах, и были приняты договоры, протоколы и правила, которые служат нормативной основой для защиты прав таких детей. В настоящее

время действует множество международно-правовых документов, направленных на предотвращение вовлечения детей в вооруженные конфликты [12].

Значительным изменением в вооруженных конфликтах является усиление присутствия и роли вооруженных оппозиционных групп и вооруженных сетей, с которыми государствам оказалось труднее вести борьбу, чем с традиционными конфликтами между государствами [13].

В настоящее время насчитывается более 30 ситуаций, которые вызывают озабоченность и в которых нарушаются права детей. За последнее десятилетие 2 млн детей было убито в условиях вооруженных конфликтов, 6 млн детей стали инвалидами или получили ранения, более 14 млн детей стали перемещенными лицами и более 1 млн детей стали сиротами и разлучились со своими родителями. Свыше 250 000 детей связано с боевыми силами и группами. И каждый год от 8 000 до 10 000 детей погибает или получает увечья в результате подрыва на наземных минах [14]. Многие дети умирают от катастрофических последствий конфликтов для инфраструктуры их общин (зачастую уже и без того слабых), отсутствия доступа семей к продовольствию, медицинскому обслуживанию и невозможности сохранить средства к существованию.

Во время вооруженных конфликтов дети принимают решения о том, как получить жилье, питание, лекарства и наилучшим образом обеспечить свою безопасность и безопасность членов своей семьи. Иногда единственным вариантом остается поддержка различных политических партий, вооруженных групп и банд или присоединение к ним [15]. При этом дети часто начинают верить в логику насилия, когда сталкиваются с несправедливой ситуацией [16].

В современном мире значительно большее число детей, чем в прошлом, играет главную роль в поиске средств к существованию своих семей. Нередко эта деятельность подвергает детей большой опасности и наносит ущерб их собственному образованию и развитию. Дети также берут

на себя дополнительную ответственность за обеспечение безопасности своих семей и имущества. Следовательно, детей необходимо вовлекать в эту деятельность как активных участников, которые формируют свою собственную жизнь и общины, в которых они живут и работают.

Для того чтобы не допустить участия детей в вооруженных конфликтах, они должны иметь доступ к специальным программам обучения, трудоустройства и отдыха, особенно во время продолжительных школьных каникул. Молодые люди из неблагополучных семей и те, кто бросает школу, должны пользоваться социальными программами, которые помогают им развивать чувство собственного достоинства и уверенность и подталкивают их к ответственной взрослой жизни.

С.С. Алексеев писал, что именно в детстве следует убедить человека в необходимости соблюдения социальных норм поведения, для того чтобы в будущем его не пришлось принуждать делать это посредством права [17].

Участвуя в вооруженных конфликтах, дети могут совершать военные преступления, часто не осознавая этого. Международные трибуналы вправе привлекать детей-комбатантов к ответственности.

События на территории бывшей Югославии, которые повлекли за собой человеческие жертвы и привели к нарушениям международного гуманитарного права, послужили причиной того, что Совет Безопасности Организации Объединенных Наций в чрезвычайном порядке создал Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. [18].

В настоящее время работает Комиссия по установлению истины и примирению, которая действует как элемент постконфликтного правосудия. Дети как особые субъекты международного права должны понимать, что они могут быть привлечены к ответственности за совершение военных преступлений.

В соответствии со ст. 4 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающейся участия детей в вооруженных конфликтах 2000 г., вооруженные группы, отличные от вооруженных сил государства, ни при каких обстоятельствах не должны вербовать или использовать в военных действиях детей.

Согласно ст. 17 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. находящиеся в конфликте стороны должны заключать соглашения об эвакуации детей из осажденных или окруженных зон.

По ст. 23 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. государства должны предоставлять свободный пропуск всех посылок с медицинскими и санитарными материалами, а также предметами, необходимыми для религиозных культов, предназначенных только для гражданского населения.

Дети во время вооруженных конфликтов имеют право и на различные виды помощи. Так, в силу ст. 50 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. оккупирующие державы должны с помощью национальных и местных властей оказывать содействие учреждениям, которым поручено попечение и воспитание детей, для того чтобы их работа протекала успешно.

Необходимо принимать все возможные меры в целях установления личности детей и регистрации их родственных связей. В том случае, если местные учреждения не будут в состоянии выполнять эти функции, оккупирующие государства должны обеспечивать условия для содержания и обучения детей-сирот или детей, вследствие войны разлученных со своими родителями.

В связи с этим была принята IV Женевская Конвенция 1949 г. о защите гражданского населения во время войны [20], которая закрепила положения, распространявшиеся на детей как на часть гражданского населения.

После Второй мировой войны появилось большое количество новых видов конфликтов. Усложнились методы и средства ведения войн, появляются новые виды оружия. Увеличивается количество вооруженных конфликтов, в которых официальные вооруженные силы государств противостоят комбатантам нерегулярных формирований и частным военным компаниям.

Во время вооруженных конфликтов дети относятся к категории лиц, находящихся под действием положений IV Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. [21]. В связи с этим государства должны обеспечивать физическую и психическую неприкосновенность детей, запрещать принуждения, телесные наказания, пытки и т.д.

На детей должны распространять свое действие все нормы международного гуманитарного права, которые имеют отношение к ведению войн. В частности, в случае вооруженных конфликтов дети имеют право на гуманное обращение, заботу и помощь. Так, они должны получать образование, включая религиозное и нравственное воспитание, согласно пожеланиям их родителей. Нельзя допускать посягательств на их жизнь и физическую неприкосновенность.

Одной из важных проблем детей во время вооруженных конфликтов является сохранение целостности их семей. Дети не осознают угрозы военных действий, если рядом с ними находятся родственники, олицетворяющие безопасность. Однако утрата семейных связей, привычного окружения и образа жизни оказывает на детей наиболее негативный эффект.

В связи с этим, согласно ст. 82 Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г., при интернировании родители и их дети должны содержаться в одних и тех же местах, за исключением тех случаев, когда работа или здоровье делают временную разлуку необходимой. Родители могут требовать, чтобы их дети, оставшиеся

на свободе без родительского попечения, были интернированы вместе с ними.

Во всех возможных случаях члены семьи должны находиться в одном помещении и жить отдельно от других интернированных. Им необходимо также предоставить условия для того, чтобы вести семейную жизнь.

Интернированные дети должны иметь возможности для занятий физическими упражнениями, спортом и спортивными играми на открытом воздухе. Для этих целей должны быть отведены свободные площади для детей и подростков.

Следует отметить, что противоречие между международным гуманитарным правом и международным правом прав человека, особенно с точки зрения допустимого возраста комбатантов, привело к отсутствию правовой защиты при вербовке в вооруженные силы или вооруженные оппозиционные группы для наиболее уязвимой возрастной группы - детей от 15 до 18 лет. Кроме того, международное гуманитарное право и международное право прав человека отличаются друг от друга с точки зрения правовой защиты детей, которые были добровольно завербованы в вооруженные силы, и тех, кто выполняет функции военной поддержки, т.е. не принимает непосредственного участия в боевых действиях.

Эти пробелы и несоответствия в правовой базе защиты искажаются в процессе эволюции правовых норм в международное обычное право. С одной стороны, имеются убедительные доказательства того, что запрет на использование детей в возрасте до 15 лет в вооруженных конфликтах приобрел статус обычая. В 2004 г. Апелляционная палата Специального суда по Сьерра-Леоне указала, что запрет на вербовку детей приобрел характер обычного международного права [22].

При этом следует иметь в виду, что подсудность Специального суда по Сьерра-Леоне включает некоторые преступления по уголовному законодательству этого государства в сфере незаконного обращения с

девочками, не достигшими 13-летнего возраста, незаконное обращение с девочками в возрасте от 13 до 14 лет [23].

В исследовании Международного комитета Красного Креста отмечается обычный характер положений международного права, которые направлены на предотвращение и искоренение практики использования детей-солдат в вооруженных конфликтах. Там отмечается, что «вербовка детей запрещена в ряде военных уставов, включая те, которые применимы в вооруженных конфликтах немеждународного характера. Она также запрещена законодательством многих государств» [24].

Еще одним важным свидетельством запрещения вербовки детей-солдат для участия в вооруженных конфликтах являются многочисленные резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. С 1999 г. СБ ООН принял девять резолюций [25], которые создали нормативную базу для защиты детей, вовлеченных в вооруженные конфликты, предоставив таким образом «источники информации - признанные источники права в виде государственной практики, свидетельствующей о существовании обычаев» [26]. Однако Совет Безопасности Организации Объединенных Наций не только продемонстрировал доказательства практики вербовки детей для участия в вооруженных конфликтах, но и внес вклад в изменение понимания нормы и, следовательно, ее отождествления с обычным правом. Проблема вербовки детей в вооруженные силы вновь становится актуальной и рассматривается как прямая угроза миру и безопасности [27]. Запрещение этой деятельности имеет важное значение для поддержания порядка, основанного Уставом ООН.

Следует отметить, что на практике бывает трудно провести границу между гражданскими лицами и комбатантами в вооруженных конфликтах. В соответствии с п. 2 ст. 77 Протокола I стороны, находящиеся в конфликтах, должны принимать все возможные меры для того, чтобы дети, не достигшие пятнадцатилетнего возраста, не принимали непосредственного участия в военных действиях, и воздерживаться от их вербовки в свои вооруженные

силы. При вербовке из числа лиц, достигших пятнадцатилетнего возраста, но не достигших восемнадцати лет, стороны, участвующие в конфликтах, должны стремиться отдавать предпочтение лицам более старшего возраста.

Необходимо обратить внимание на то, что в силу Конвенции о правах ребенка 1989 г. государства обязаны уважать нормы международного гуманитарного права, применимые к ним в случае вооруженных конфликтов и имеющие отношение к детям, и обеспечивать их соблюдение.

Согласно обязательствам по международному гуманитарному праву, связанным с защитой гражданского населения во время вооруженных конфликтов, государства должны принимать все возможные меры с целью обеспечения защиты детей и ухода за ними.

Следует иметь в виду, что в международном уголовном праве, которое было введено в действие посредством Римского статута Международного уголовного суда 1998 г., вербовка и использование детей-солдат были объявлены наказуемыми военными преступлениями. При этом в ст. 1 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах 2000 г., было закреплено положение о том, что минимальный возраст вербовки в вооруженные силы составляет 18 лет.

Государствам необходимо стремиться защищать детей от вербовки для участия в вооруженных конфликтах. Детям должна быть предоставлена возможность самим решать вопрос об их участии в военных действиях, этот выбор должен быть осознанным, и таким детям должны быть предложены альтернативы [33]. Если дети принимают прямое или косвенное участие в военных действиях, то после окончания конфликтов эти дети не смогут рассматриваться как лица, способные принести пользу обществу, даже если будет доказано, что государства гарантируют реабилитацию и содействуют в преодолении травм, полученных детьми во время участия в вооруженных конфликтах.

Представляется, что государствам необходимо принимать целенаправленные меры в отношении правительств и групп, признанных виновными в систематическом совершении любых грубых нарушений прав детей во время вооруженных конфликтов. Целенаправленные меры для защиты прав детей могут включать: введение ограничений на поездки лидеров правительств и повстанцев, виновных в вербовке детей-солдат; введение эмбарго на поставки оружия; запрет на оказание военной помощи; ограничения на приток финансовых ресурсов; исключение лидеров правительств и повстанцев из любых структур управления и т.д.

Несмотря на то, что дети являются одной из наиболее уязвимых групп населения, в ряде случаев они становятся мишенью для нападений и вербовки с целью участия в террористической деятельности, что позволяет сделать вывод о необходимости повышения эффективности их международно-правовой защиты. Международное гуманитарное право и право прав человека должны защищать права детей. Однако многочисленные вооруженные конфликты доказали, что дети не только становятся объектами нападений, но и используются воюющими сторонами в качестве солдат или помогают выполнять другие поручения военного характера [29].

В период международных вооруженных конфликтов дети входят в категорию лиц, находящихся под покровительством IV Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. Благодаря этому на них распространяется действие всех положений, которые касаются обращения с покровительствуемыми лицами и определяют основной принцип гуманитарного обращения с людьми - уважение к жизни, физическую и психическую неприкосновенность, а также запрещение принуждений, телесных наказаний, пыток, коллективных наказаний и репрессалий [30].

В условиях вооруженных конфликтов постоянно возникает проблема оценки соблюдения прав человека с точки зрения норм международного гуманитарного права. Меры, применяемые государствами в отступление от

своих обязательств, должны соответствовать другим обязательствам по международному праву, включая международное гуманитарное право [31].

При этом в силу ст. 38 Конвенции о правах ребенка 1989 г. государства обязаны уважать нормы международного гуманитарного права, применимые к ним в случае вооруженных конфликтов и имеющие отношение к детям, и обеспечивать их соблюдение. Они должны принимать все возможные меры для обеспечения того, чтобы лица, не достигшие 15-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях.

Согласно ст. 38 Конвенции о правах ребенка 1989 г. необходимо воздерживаться от призыва любых лиц, не достигших 15-летнего возраста, на службу в вооруженные силы. При вербовке из числа лиц, достигших 15-летнего возраста, но которым еще не исполнилось 18 лет, государства должны стремиться отдавать предпочтение лицам более старшего возраста.

В силу ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда 1998 г. набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях представляет собой военные преступления.

Насилие в отношении детей-солдат во время вооруженных конфликтов рассматривается как нарушение прав ребенка, ставит под угрозу социальное развитие детей и препятствует осуществлению их прав [32].

В заключение следует отметить, что для улучшения правового положения детей во время вооруженных конфликтов необходимо дополнить Конвенцию о правах ребенка 1989 г. определением понятия «ребенок-солдат», под которым понимается лицо, не достигшее 18 лет, добровольно или принудительно принимающие участие в вооружённых конфликтах.

Список источников и литературы:

1. Алексеев С.С. Право: время новых подходов // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 9.

2. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. С. 104.
 3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (принят 8 июня 1977 г., вступил в силу 7 декабря 1978 г. (Протокол I), статья 77(2); Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II), статья 4; Заключение о правах ребенка, ст. 4; Римский статут Международного уголовного суда (принят 17 июля 1998 г., вступил в силу 1 июля 2002 г. Россия не участвует.); Факультативный протокол II к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах (принят 25 мая 2000 года, вступил в силу 12 февраля 2002 года); Парижские принципы и руководящие указания в отношении детей, связанных с вооруженными силами или вооруженными группами (приняты в феврале 2007 г.).
 4. Конвенция о защите гражданского населения во время войны. Женева, 12 августа 1949 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения 14.04.2020)

 5. Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. – М.: Консультант, 2002. С. 22.
 6. Кушлейко А.С. Обычные нормы международного гуманитарного права // Российский ежегодник международного права. 2005. Специальный выпуск. Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева». Санкт-Петербург. 2006. С. 12.
 7. Ледях И.А. Международное гуманитарное право и защита прав человека. Отв. ред. чл.-корр. М.В. Баглай. М., 2008. С. 145.
-

8. Международная защита прав и свобод человека. Москва, Юридическая литература, 1990.
9. Моисеева А.К. Вербовка как угроза национальной безопасности // Евразийский юридический журнал. 2019. № 5. С. 340.
10. Платтнер Д. Защита детей в международном гуманитарном праве // Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве. Сборник статей и документов. – М.: МККК, 1999. С. 89.

11. Прекратите использовать детей в качестве солдат! / Coalition to stop the use of child soldiers; [Пер. Николаевой Э. Н.]. - 2. изд. - [Stockholm] : Rädda barnen, 1998. С. 1.
12. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI.- М., 1957. С. 204 - 278, 280.

13. СЗ РФ. 2009. ст.679.
14. Смирных С.Е. Международное правосудие как гарантия прав детей-солдат в меняющемся миропорядке // Военно-юридический журнал. 2021. № 3. С. 26.
15. Смирных С.Е. Правовое положение детей-солдат в меняющемся миропорядке // Вопросы ювенальной юстиции. 2020. № 3. С. 31.

16. Статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] // URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 1.03.2021)
17. Суд по Сьерра-Леоне, SCSL-2004-14-AR72(E). Апелляционная палата. 2004 г. 31 мая.
18. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах. Принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 г. [Электронный ресурс] // URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol1.shtml
ml (дата обращения 14.04.2020)

-
19. Child soldiers in the age of fractured states / ed. by Scott Gates a. Simon Reich. - Pittsburgh, Pa : Univ. of Pittsburgh press, cop. 2010. - X, P. 183.
 20. Duffield M. War as Network Enterprise: The New Security Terrain and Its Implications. Cultural Values. 2002. Volume 6. pp. 153-165.
 21. Explainer Child Soldiers. <https://theirworld.org/explainers/child-soldiers#section-5> (дата обращения: 01.03.2021).
 22. Goodwin-Gill, Guy S. Child soldiers : The role of children in armed conflict: A study for the Henry Dunant inst. / Ilene Cohn & Guy S. Goodwin-Gill. - Oxford : Clarendon press, 1994. – p. 24.
 23. Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L., Alvermann C. (eds), Customary International Humanitarian Law: Rules. Vol. 1. Cambridge University Press, 2005.
 24. Higgins R. The United Nations and Lawmaking: The Political Organs. 1970. P. 38.
 25. Levie H.S. Protection of War Victims Protocol I to the 1949 Geneva Conventions. Oceana Publishers. 1979. Vol. IV.
-
26. Olson K.R. Children in the Grey Spaces Between War and Peace: The Uncertain Truth of Memory Acts, in Jo Boyden and Joanna de Berry eds. Children and Youth on the Front Line: Ethnography, Armed Conflict and Displacement, Berghahn Books: New York & Oxford, 2004. PP. 145- 166.
 27. Orwell G. Homage to Catalonia. Houghton Mifflin Harcourt, 1952. P. 26.
 28. Report of the Special Representative of the Secretary-General for Children and Armed Conflict, United Nations doc. A/60/335. 2005.
 29. Rosen D. Armies of the Young: Child Soldiers in War and Terrorism. Rutgers University Press, 2005. P. 8.
 30. UNSC Report, Cross-Cutting Report: Children and Armed Conflict. 2008. P. 4. СЗ РФ. 2009. N 6. ст. 679.

31. United Nations Security Council (UNSC), Security Resolution 2143 (7 March 2014) UN Doc S/RES/2143 reaffirming its resolutions: UNSC Res 1261 (25 August 1999) UN Doc S/RES/1261; UNSC Res 1314 (11 August 2000) UN Doc S/RES/1314; UNSC Res 1379 (20 November 2001) UN Doc S/RES/1379; UNSC Res 1460 (30 January 2003) UN Doc S/RES/1460; UNSC Res 1539 (22 April 2004) UN Doc S/RES/1539; UNSC Res 1612 (26 July 2005) UN Doc S/RES/1612; UNSC Res 1882 (4 August 2009) UN Doc; UNSC Res 1998 (12 July 2011) UN Doc S/res/1998; UNSC Res 2068 (19 September 2012) UN Doc S/RES/2068.

32. Utas M. Fluid Research Fields: Studying Ex-Combatant Youth in the Aftermath of the Liberian Civil War in Jo Boyden and Joanna de Berry eds. Children and Youth on the Front Line: Ethnography, Armed Conflict and Displacement, Berghahn Books: New York & Oxford. 2004. PP. 209- 236.

Оганесян Тигран Давидович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
t.oganesian@mail.ru

Tigran D. Oganessian
Ph.D. (Law)
Associate Professor of the Department of the International Law, Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
t.oganesian@mail.ru

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: НОВОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

PERSONAL DATA PROTECTION: NEW RETHINKING AND CONCEPTUALIZATION

Аннотация. Эффективность некоторых традиционных подходов, гарантирующих защиту данных, в настоящее время существенно снижается, поэтому происходит поиск новых подходов, которые смогли бы отвечать современным реалиям. В этой связи вопросы защиты персональных данных приобретают еще большее значение в контексте развития и массового внедрения программ и методов автоматизированной обработки данных. Возникает также особая необходимость в переосмыслении природы права на защиту данных и выработке новых стандартов международной защиты от соответствующих злоупотреблений в связи с использованием новых информационно-коммуникационных технологий. На сегодняшний день право на защиту персональных данных находится в промежуточном состоянии: его уже нельзя в полной мере рассматривать ни как часть права на уважение частной жизни, ни в качестве полноценного и самостоятельного права. Государствам предстоит пересмотреть национальные законы, политику и практику в целях обеспечения их полного соответствия стандартам защиты данных.

Abstract. The effectiveness of some traditional approaches that guarantee data protection is now significantly reduced and new approaches are being sought that would be able to meet the realities of today. In this regard, the issues of personal data protection are becoming even more important in the context of the development and mass implementation of programs and methods of automated data processing. There is also a particular need to rethink the nature of the right to data protection and to develop new standards of international protection against the corresponding abuses associated with the use of new information and communication technologies. Today, the right to personal data protection is in an intermediate state: it can no longer be fully considered either as part of the right to respect for private life, or as a full-fledged and independent right. As an urgent measure, States should review national laws, policies and practices to ensure that they fully comply with the data protection standards.

Ключевые слова: защита персональных данных, массовое наблюдение, конфиденциальность, право на уважение частной жизни, Интернет, Совет Европы, Европейский суд по правам человека, Конвенция 108, Конвенция 108+.

Keywords: protection of personal data; mass surveillance; confidentiality; right to respect for private life; Internet; Council of Europe; European Court of Human Rights, Convention 108, Convention 108+.

Первые дискуссии о способах защиты персональных данных, которые основывались на положениях конфиденциальности и уважения частной жизни, заложенных в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ), начались за несколько десятилетий до того, как Интернет и смарт-устройства превратились в основные средства коммуникации.

1970-е гг. - время, когда домашний компьютер стал хоть и роскошью, но вполне реальной мечтой. Вот лишь некоторый перечень достижений компьютерной мысли того времени: получен патент на изобретение

манипулятора «мышь» (1970), первый коммерческий микропроцессор Intel 4004 (1971), выпущен родоначальник линии персональных компьютеров Altair 8800 (1975), представлен ставший самым массовым персональный компьютер Apple II (1977), начало массовых продаж домашних персональных компьютеров Atari 400/800 (1979). Эти и многие другие новшества, меняющие жизнь простого человека, заставили также задуматься о тех угрозах, которые могут возникнуть при автоматизированной обработке данных ЭВМ.

Принятие первых национальных законов о защите данных было обусловлено возникшей компьютеризацией, поэтому большинство из них ограничивалось лишь автоматизированной обработкой данных. В 1970-е гг. в европейских странах (ФРГ, Швеции и Франции) стали появляться различные положения, регулирующие автоматизированную обработку данных. Принимаемые законы устанавливали собственные подходы к защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных, применяя различную терминологию. В качестве символической отправной точки защиты данных на национальном уровне в Европе определяется принятие в 1970 г. германской федеральной землей Гессен первого закона о защите данных (Datenschutz). Последовав данному примеру, Швеция в 1973 г. также приняла подобный закон Datalag, а в 1978 г. французский парламент одобрил закон Loi informatique et liberté («Компьютеры и свободы»).

Принятые положения не всегда связывали право на защиту данных с каким-либо иным основополагающим правом. Например, шведский закон 1973 г., регулирующий автоматизированную обработку данных, не увязывал защиту данных с правом на уважение частной жизни и конфиденциальностью. Заявленная цель шведского акта заключалась в защите неприкосновенности личности. Французский закон Loi informatique et liberté, в свою очередь, был нацелен на защиту vie privée (частной жизни) и связывал защиту данных с правом на уважение частной жизни [8]. Аналогичным образом австрийские конституционные положения о защите

персональных данных 1978 г., закрепив впервые право на защиту данных (*datenschutz*) в качестве конституционного права, объединяли защиту данных с правом на уважение частной и семейной жизни [5].

Таким образом, в большинстве случаев, когда государства решались на закрепление положений об обработке данных, это осуществлялось в форме отдельных законов (например, во Франции), однако в некоторых случаях положения об автоматизированной обработке данных находили свое отражение в принятых конституциях (например, в Португалии, Испании). Можно также заметить, что в 1970-е гг. принятые акты касались, прежде всего, автоматизированной обработки данных и содержали именно данную терминологию. Подобные законы о защите данных, принятые в Европе на национальных уровнях в 1970-е гг., характеризовались расплывчатостью формулировок относительно преследуемых целей или задач. Тем не менее в конечном счете все эти нормы и правила заложили основу для развития национальных законодательств в сфере защиты данных, а также для создания средств правовой защиты.

В целях регулирования автоматизированной обработки данных в 1981 г. была принята Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 года (далее – Конвенция 108), которая стала первым юридически обязательным международным документом по защите данных. Правила защиты данных, закрепленные в Конвенции 108, представлены как элемент права на уважение частной жизни, что, по мнению Г. Гонсалес Фустер, отражает американский подход к пониманию права на защиту данных. Идея защиты данных как элемента права на уважение частной жизни, которое должно быть предусмотрено статьей 8 ЕКПЧ, позднее была подкреплена и Директивой 95/46/ЕС [6].

С появлением информационно-коммуникационных технологий в 1970-х гг., за которыми последовала автоматизированная обработка данных, европейские государства начали больше беспокоиться о защите

персональных данных [7, p. 193]. Предвидя неизбежность наступления цифровой эры и расширения методов сбора и обработки данных, Совет Европы осознавал необходимость принятия международных обязательных норм, которые также послужили бы моделью для национальных норм государств-членов о защите данных.

Можно сказать, что принцип «*habeas data*», являющийся неотъемлемой частью права на защиту данных, был впервые закреплен на международном уровне в Конвенции 108 Совета Европы, которая предусмотрела право доступа к личным данным, хранящимся в автоматизированной базе данных [2].

Конвенция 108 в определенной степени является итогом всех достижений европейской правовой мысли и опыта, касающихся обработки персональных данных, к началу 1980-х гг. по нескольким причинам. Во-первых, на международном уровне была закреплена дефиниция «*data protection*» (во французском варианте - *protection des données*), выходящая за рамки немецкого слова *datenschutz*. Во-вторых, была определена особая связь защиты данных с правом на уважение частной жизни, закрепленным в ст. 8 ЕКПЧ. Главная цель, которую преследует Конвенция 108, состоит в обеспечении не только защиты данных, но и свободного потока данных, включая различные положения о трансграничных передачах данных.

Конвенция 108 содержит принципы обработки персональных данных, которые призваны усилить защиту данных. Эти принципы инкорпорированы во внутренние законодательства (не только государств-членов СЕ) для того, чтобы данные обрабатывались законно и только с указанием конкретных целей. Конвенция предусматривает меры контроля, доступные физическим лицам, такие как право на информацию о хранении их персональных данных, право на исправление данных и т.д. Помимо принципов, касающихся сбора и обработки персональных данных, Конвенция также предусматривает правила обработки так называемых «чувствительных» данных: о национальности,

политических взглядах, религиозных убеждениях, интимной жизни, судимости, медицинские данные и т.д.

Вступление в силу в 2004 г. дополнительного протокола к Конвенции 108, призывающего государства к созданию независимых органов по контролю за соблюдением принципов защиты данных, свидетельствует о том, что Конвенция 108 постепенно обновляется, чтобы отвечать вызовам сегодняшнего дня. В этой связи в модернизированной Конвенции установлены некоторые новые гарантии, которые по замыслу Совета Европы должны применяться к новым реалиям онлайн-мира. Одним из основных нововведений Конвенции 108+ можно считать то, что сфера применения стала включать не только автоматизированную, но и неавтоматизированную обработку персональных данных. Важным фактором является и то, что международные организации также получили возможность присоединиться к Конвенции (статья 27).

За 40 лет, прошедших с момента разработки Советом Европы Конвенции 108, данный договор послужил основой для международного права защиты данных в более чем 40 европейских государствах. Он также оказал влияние на политику и законодательство стран за пределами европейского континента. С учетом новых вызовов правам человека и основным свободам, особенно праву на частную жизнь, возникающих каждый день, представляется очевидным, что Конвенция была модернизирована в 2018 г., с тем чтобы лучше решать проблемы конфиденциальности, возникающие в результате все более широкого использования новых информационно-коммуникационных технологий (ИТ), глобализации операций обработки и больших потоков персональных данных.

Потребность в модернизации Конвенции 108 была обусловлена также необходимостью сохранить согласованность и совместимость Конвенции с другими правовыми рамками, подтвердить открытый характер Конвенции, придающий ей уникальный потенциал универсального стандарта. Первоначальный общий текст Конвенции был дополнен более подробными

отраслевыми текстами мягкого права, в частности рекомендациями Комитета министров, разработанными государствами-участниками.

В конечном итоге 18 мая 2018 г. Комитетом министров был принят Протокол о внесении изменений в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [3], который был открыт для подписания 10 октября 2018 г.

Основная цель Протокола о внесении поправок состоит в модернизации и совершенствовании Конвенции с учётом новых задач по защите физических лиц при обработке персональных данных, которые возникли после принятия Конвенции в 1980 г. Другой важной задачей нового Протокола является преобразование Конвенции 108 в области надзорных органов и трансграничных потоков, а также усиление их применения.

Протокол предусматривает гибкие многосторонние правовые рамки для облегчения трансграничного обмена данными, обеспечивая при этом эффективные гарантии при использовании персональных данных. В этом смысле он представляет собой мост между различными регионами мира и нормативными рамками, включая новое законодательство Европейского союза, которое вступило в силу 25 мая 2018 г.

Некоторые из нововведений, содержащихся в Протоколе, заключаются в следующем:

- более жесткие требования в отношении принципов соразмерности, минимизации данных и правомерности обработки;
- расширение типов конфиденциальных данных, которые теперь будут включать генетические и биометрические данные, членство в профсоюзах и этническое происхождение;
- обязательство декларировать утечку данных;
- более высокая степень прозрачности обработки данных;
- новые права физических лиц в контексте алгоритмического принятия решений, что становится особенно актуальным в связи с развитием искусственного интеллекта;

- повышение подотчётности операторов данных;
- требование применения принципа «Проектируемая конфиденциальность»;
- применение принципов защиты данных ко всем процессам обработки, в том числе по соображениям национальной безопасности, с возможными исключениями и ограничениями в соответствии с условиями, установленными Конвенцией, и в любом случае с возможностью независимого и эффективного пересмотра и контроля;
- расширение полномочий и повышение независимости органов по защите данных и укрепление правовой основы для международного сотрудничества.

Конвенция 108+ имеет все шансы стать единственным международным документом, открытым для подписания для всех государств и закрепляющим гарантии защиты данных, отвечающие реалиям сегодняшнего дня. Для повышения стандартов национальной правовой системы и установления достаточных гарантий в области защиты данных можно предложить ряд мер. Во-первых, ратифицировать и имплементировать новые положения Конвенции 108+. В 2018 г. специальный докладчик ООН по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в своем ежегодном докладе рекомендовал всем государствам-членам ООН присоединиться к Конвенции 108+ [9]. Во-вторых, создать единую систему независимых органов среди всех государств-участников данной Конвенции с целью проведения эффективного надзора за любой деятельностью разведывательных служб в сфере сбора и обработки данных.

Как отмечает А.И. Ковлер, «человек цифровой» (*homo numericus*) довольно быстро пришел на смену «человеку разумному» (*homo sapiens*) [1, с. 146]. В этой связи механизмы защиты персональных данных несовершенны ни на национальном, ни на международном уровнях. Однако международные стандарты, выработанные Советом Европы и Европейским союзом, стремятся предоставить минимальные гарантии защиты данных. На

фоне этого практика многих государств свидетельствует об отсутствии адекватного национального законодательства и/или правоприменительной практики, слабых процедурных гарантиях и неэффективном надзоре, что в совокупности приводит к отсутствию ответственности за произвольный или незаконный сбор и обработку данных. Тенденциями последних лет служат случаи, когда национальные власти обязывают телекоммуникационные компании собирать и хранить данные о пользователях в течение определенного времени, а при необходимости – передавать данные государству, оправдывая подобные запросы мерами по борьбе с терроризмом.

В связи с этим эффективное решение проблем, связанных с правом на защиту данных в контексте современных коммуникационных технологий, потребует постоянного и согласованного участия многих заинтересованных сторон, включая государства-члены, гражданское общество, научно-технические круги, предпринимательский сектор, ученых и экспертов по правам человека.

На сегодняшний день стандарты Совета Европы и Европейского суда являются той базой, от которой странам следует отталкиваться при установлении тех же стандартов на национальном уровне. Например, в правовых позициях Европейского суда по правам человека четко установлено, каким образом должно соблюдаться право на уважение частной жизни в контексте защиты данных. В них также подчеркивается обязанность государств обеспечивать эффективные средства правовой защиты от злоупотреблений со стороны властей.

Следует отметить, что каждый уровень судебного надзора играет определенную роль в защите персональных данных, при этом ЕСПЧ и Суд ЕС разрабатывают подробные критерии для определения того, соответствует ли то или иное национальное положение основным правам, закрепленным в статьях 7 и 8 Хартии ЕС об основных правах или ст. 8 ЕКПЧ. С одной стороны, национальные суды играют первостепенную роль в рассмотрении

основных прав на защиту данных и уважение частной жизни, поскольку они находятся ближе всего к лицам, ищущим защиты своих прав. С другой стороны, конституционные суды государств также должны периодически проверять совместимость национальных норм с международными стандартами и «сверять часы» с нормами, выработанными ЕСПЧ и Суда ЕС.

Принимая во внимание вышеизложенные замечания, можно говорить о необходимости разработки эффективных гарантий против злоупотреблений со стороны государственных служб и крупных ИКТ-компаний.

Государствам предстоит пересмотреть национальные законы, политику и практику на предмет обеспечения их полного соответствия стандартам защиты данных, выработанным Советом Европы и ЕС. Для повышения стандартов национальной правовой системы и установления достаточных гарантий в области защиты данных рекомендуется ратифицировать и имплементировать новые положения Конвенции 108+.

В экспертном сообществе обсуждается вопрос о целесообразности образования на национальном уровне органа, принимающего юридически обязательные решения по жалобам граждан на действия государственных органов по сбору и хранению персональных данных (инспекции или комиссариата по защите персональных данных) [4]. Особое внимание также следует уделить вопросу создания единой системы независимых органов среди всех государств-членов Совета Европы для проведения эффективного надзора за любой деятельностью, нарушающей неприкосновенность частной жизни, в отношении разведывательных служб и правоохранительных органов.

Список источников и литературы:

1. Ковлер А. И. Права человека в цифровую эпоху // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 6. С. 146.

2. Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/108> (дата обращения: 08.01.2020)

3. Протокол о внесении изменений в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных. Страсбург. 10.10.2018. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/223> (дата обращения: 08.01.2020)

4. Талапина Э.В. Защита персональных данных в цифровую эпоху: российское право в европейском контексте // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 5. С. 131.

5. Data Protection Act, BGBI. No. 565/1978.

6. Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data OJ 1995 L281/31 (Data Protection Directive).

7. Gonzalez Fuster G. The Emergence of Personal Data Protection as a Fundamental Right of the EU. Springer International Publishing. 2014. 274 p.

8. Loi № 78-17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000006068624&dateTexte=vig> (дата обращения: 08.01.2020)

9. Report of the Special Rapporteur on the right to privacy A/HRC/40/63. 2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/Privacy/SR/Pages/SRPrivacyIndex.aspx> (дата обращения: 08.01.2020)

Севастьянов Евгений Алексеевич

магистрант,
Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации
evsevas1997@gmail.com

Научный руководитель: **Гуляева Елена Евгеньевна**
к.ю.н., доцент кафедры европейского права,
Дипломатическая академия
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
gulya-eva@yandex.ru

Evgeny A. Sevastyanov
Master's Degree Student
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
evsevas1997@gmail.com

Scientific adviser: **Elena E. Gulyaeva**
Ph.D. (Law), Associate Professor, Department of European Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
gulya-eva@yandex.ru

**ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ПРИМЕРЫ ВЛИЯНИЯ СВЯТОГО
ПРЕСТОЛА НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ ГОСУДАРСТВ**

**LEGAL INSTRUMENTS AND EXAMPLES OF THE INFLUENCE OF
THE HOLY SEE ON THE INTERNAL
POLITICAL PROCESSES OF STATES**

Аннотация. В настоящей статье подробно рассматривается и анализируется нормативно-правовая база существования Святого Престола. Приводятся примеры непосредственного влияния иерархов Церкви на внутриполитические процессы различных государств мира.

Abstract. This article discusses in detail and analyzes the legal framework for the existence of the Holy See. Examples of direct influence of hierarchs of the Church on internal political processes of different states of the world are given.

Ключевые слова: Святой Престол, Ватикан, Кодекс канонического права, папа римский, Римско-Католическая Церковь, булла, энциклика, влияние, международное право, закон.

Keywords: Holy See, Vatican, Code of Canon Law, Pope, Roman Catholic Church, Bull, encyclical, influence, international law, law.

Прежде чем приступить к изучению правовых инструментов и примеров влияния Святого Престола на внутривластные процессы государств, где преобладающей религией является католицизм, необходимо понять, чем являются Святой Престол и Ватикан с точки зрения международного права, а также какие различия существуют между этими двумя понятиями.

Согласно кодексу канонического права *Corpus juris canonici*, который служит основой всей правовой системы католической церкви, Святой Престол – это высший орган управления церкви во главе с папой римским. В этот орган, помимо самого понтифика, входят кардиналы и различные профильные органы. Фактически это религиозная организация. То, что мы называем Ватиканом, де-юре считается вспомогательной территорией Святого Престола. Ряд государственных функций этого образования передан Италии, например, охрана общественного порядка и судебные функции в рамках итальянского законодательства. На международной арене Святой Престол является постоянным наблюдателем в Организации Объединенных Наций, а также обладателем статуса самого маленького государства (государственно-подобного образования) в мире. До сих пор продолжаются споры, обладает ли Святой Престол той или иной степенью международной правосубъектности [13].

Не вызывает сомнений тот факт, что это квазигосударство и религиозная организация оказывает огромное влияние на международные политические процессы, а также внутривластную жизнь католиков по всему миру. Цель данной статьи – изучить, какими правовыми

инструментами за последние 150 лет пользовался и продолжает пользоваться Святой Престол, чтобы укреплять свой авторитет в мире, а также при необходимости влиять на внутривнутриполитические процессы государств.

Как и у любого государства, у Святого Престола существуют собственные аналоги нормативно-правовых актов. Первая попытка кодификации норм права была предпринята в 1917 г. папой Бенедиктом XV. Этот документ получил название «Кодекс канонического права». 2414 канонов, объединенных в 5 книг, описывали права и обязанности клира и мирян, порядок проведения таинств и обрядов, имущественные вопросы, церковную судебную систему и так далее. Вторая кодификация произошла в 1983 г. Новый Кодекс опирался, в отличие от первого, на концепцию Ватикана как особого образования, непохожего ни на одно государство мира. Соответственно, Церковь должна иметь особую форму правовой системы. Эта идея нашла свое отражение в апостольской конституции *Sacrae disciplinae leges*. В рамках этой статьи нас интересуют такие книги Кодекса, отражающие реальное положение папы в католическом мире и роль Церкви, как *De populo Dei* и *De Ecclesiae munere docendi*.

Помимо Кодекса, стоит также учитывать другие документы, которые имеют характер церковных законов, а именно Апостольские конституции *Pastor Bonus*, *Vacantis Apostolicae Sedis*, *Pontifici eligendo*, *Universi Dominici gresis*, буллы и энциклики папы (например, *Non expedit* и *Rerum novarum*), а также иные документы Святого Престола, которые вместе создают нормативно-правовую базу существования Римско-Католической Церкви.

Для описания основных прав и обязанностей субъектов канонического права используется достаточно лаконичное определение «верные Христу». Кодекс выделяет две основные категории верных Христу – клир и миряне. В третью категорию, представленную внутри первых двух, входят монашествующие. Несмотря на прописанное равенство всех категорий верных, каждая из них обладает определенным перечнем прав и обязанностей в системе Римско-Католической Церкви.

Согласно канонам 209-223 Кодекса, среди обязанностей всех верных выделяются нахождение в общении с Церковью, исполнение своего долга перед Вселенской и партикулярной Церквами, а также повиновение святым пастырям. Обязанность повиновения святым пастырям происходит из основных пунктов *Lumen Gentium*, указывающих, что наиболее эффективное выполнение Церковью своей миссии возможно лишь при соблюдении мирянами предписаний святых пастырей как посланников Христа. Возникает логичный вопрос: кто именно в системе канонического права считается «святым пастырем». Этот термин по субъектному составу включает в себя всех епископов, в том числе понтифика как епископа Рима [7].

Таким образом, исходя из основных канонов Кодекса, можно сделать вывод, что в своем жизненном и духовном выборе все верные Христу, то есть миряне и клир, обязаны подчиняться папе римскому как верховному иерарху Римско-Католической Церкви и епископу Рима.

По канону 215 миряне имеют право на создание сообществ и собраний, соответствующих принципам канонического права для благотворительных, религиозных целей, а также для того, чтобы способствовать христианскому призванию в мире. Что именно подразумевается под формулировкой «христианское призвание» в Кодексе не уточняется. К этому праву мы вернемся чуть позже при рассмотрении энциклики *Regum novarum* и ее влияния на профсоюзное движение в Италии.

Логичной является проблематика взаимодействия канонического и светского права, в частности в области гражданских прав и свобод мирян. Кодекс признает неразрывную связь этих двух областей права. В сфере прав и обязанностей клира существует четкое ограничение на возможность занимать должности, связанные с политической деятельностью. Эта норма была закреплена в Кодексе 1983 г. и сохраняется по сей день. Так, нельзя:

- занимать общественные (государственные) должности, которые подразумевают вовлечение в гражданскую службу;
- управлять имуществом светских лиц и организаций;

- выступать в качестве поручителей, в том числе личного имущества [9].

Однако эти ограничения не распространяются на мирян, если только они не приняли обет монашества.

Вернемся к вопросу повиновения святым пастырям и роли римского понтифика в этой норме. Каноническое право разделяет ординарную и делегированную власть в рамках иерархии Церкви. Ординарной (полученной в соответствии с законом) властью обладает римский понтифик, диоцезные епископы и лица, канонически им равные [7]. Помимо того, что папа обладает ординарной властью, то есть исходящей из самого факта служения, его власть также является верховной, полной, непосредственной и универсальной. Несмотря на то, что теми же характеристиками обладает Коллегия Епископов, она неразрывно связана с волей понтифика. Универсальность власти в прошлом означала распространение влияния папы как на духовные, так и на светские вопросы, хотя ряд исследователей считает, что де-факто этот принцип превалирует в стратегии деятельности Церкви по сей день. Исходя из первенства (*principatum*) ординарной власти папы, он также объединяет в себе функции представителя законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, что подтверждается догматом его непогрешимости [8].

Предпосылки к принятию данного догмата появились в середине XIX века. В булле от 29 июня 1868 г. папа Пий IX заявил, что власть Церкви и власть папы в равной степени подвергаются гонениям и угрозам, что вынуждает его созвать церковный собор для обсуждения проблем взаимодействия церковного и гражданского обществ, а также возрождения господства католического учения [10]. 18 июля 1870 г. собор принял догмат, согласно которому папа в рамках своих посланий и выступлений, как учитель всех христиан и в силу содействия Бога и апостола Петра, обладает непогрешимостью. Формально это касалось лишь вопросов веры, но нет ни одного документа, точно разграничивающего вопросы веры и

государственной власти, а также светской и политической жизни [14]. Наконец, нельзя не отметить отсутствие какой-либо апелляции к решениям понтифика, на что прямо указано в каноне 333 Кодекса.

Интерес Ватикана к политическим процессам в других государствах подтверждается многовековой практикой назначения легатов (представителей) папы в различные партикулярные церкви, регионы, государства и международные организации. На данный момент правовые основания существования и деятельности легатов указаны, помимо Кодекса, в *motu proprio Sollicitudo omnium Ecclesiarum*, а также определенных положениях международного права в сфере признания Святого Престола как государственно-подобного образования. Таким образом, легаты являются не только духовными посланниками, но и дипломатическими представителями Папы [7].

Отдельно стоит выделить статистику по количеству людей в мире, причисляющих себя к рядам католиков. 25 марта 2020 г. состоялась презентация новых изданий двух статистических справочников *Annuario Pontificio* и *Annuarium Statisticum Ecclesiae*, согласно которым на данный момент в мире насчитывается порядка 1 329 000 000 католиков, то есть чуть менее 18% жителей планеты. Они составляют 63,7% жителей Южной и Северной Америки, а также 39,7% населения Европы. Это объясняет особую роль Римско-Католической Церкви в общественно-политической жизни государств данных регионов.

Другой правовой формой влияния Святого Престола на внутривнутриполитические процессы государств являются конкордаты – документы, которые заключаются между папой римским и определенным государством и регулируют положение Церкви на той или иной территории. В качестве примера можно привести конкордат 1953 г. между Испанией и Святым Престолом после победы Франко в Гражданской войне. Римско-Католическая Церковь получила право на владение собственными СМИ, представители клира освобождались от воинской службы, начали появляться

церковные учебные заведения [2]. Впоследствии ватиканские власти оказали непосредственное влияние на отмену привилегии испанских властей в назначении епископов, а также на принятие в стране закона о свободе совести. Несмотря на пересмотр статуса Церкви в Конституции 1978 г. (Испания была признана светским государством), ее влияние осталось таким же сильным. В ходе конфликта с PSOE (Испанской социалистической рабочей партией) различные иерархи Церкви активно участвовали в обсуждении законопроектов о легализации абортов, однополых браков, а также введении полового воспитания в школах. Звучали призывы к массовым манифестациям и шествиям [11].

В Италии влияние Ватикана прослеживается со времен объединения Апеннинского полуострова в единое государства. 15 мая 1871 г. на фоне конфликта с новыми властями единой Италии папа римский Пий IX опубликовал энциклику *Ubi nos*, где указывал на недостаточность папских гарантий для осуществления эффективного управления Церковью [6]. Это стало основой для утверждения буллы *Non expedit*, которая запретила католикам участвовать в политической жизни страны, голосовать и выдвигать кандидатов на выборах в законодательные органы власти [3].

Как уже указывалось выше, догмат непогрешимости папы и обязанность верующих неукоснительно слушаться святых пасторов, которая упоминается во всех нормативно-правовых актах Церкви еще до принятия Кодекса 1917 г., сделали эту буллу обязательной для всех, кто причисляет себя к рядам католических верующих. Официально она была отменена лишь 12 ноября 1919 г. Тем не менее при правлении папы Льва XIII (1878-1903 гг.) была опубликована энциклика *Reverentiam*, определявшая социальную роль Церкви в обществе. На ее основе начали создаваться католические общества, организации, фонды и профсоюзы, которые подчинялись напрямую Церкви [5].

В энциклике *Mater et Magistra* от 15 мая 1961 г. папа Иоанн XXIII подчеркивает особую важность профсоюзов для самоорганизации рабочих и

призывает их участвовать не только в профессиональной и административной жизни, но и в политических движениях. Прогрессивным с точки зрения Церкви является то, что папа Иоанн XXIII пошел дальше своего предшественника и разрешил католикам участвовать в жизни не только церковных организаций, обществ и профсоюзов, но и тех, которые не подчиняются напрямую Церкви. Вместе с этим он отмечает, что они должны активнее влиять на экономические, социальные и политические процессы своих стран [4]. Учитывая особое внимание, которое папы в течение всего XX в. уделяли в своих энцикликах рабочему классу и продвижению роли профсоюзов в политико-экономической жизни государств, а также критике капитализма, можно сделать вывод, что Церковь выступает в качестве третьей независимой политической силы, наряду с капиталистами (условно правыми) и социалистами/коммунистами (условно левыми).

В странах Европы, отличающихся весомой долей протестантского населения, Римско-Католическая Церковь, напротив, постепенно отходила от отождествления себя с христианско-демократическими партиями и занимала максимально нейтральную позицию по отношению к политическим вопросам. К таким государствам можно отнести Германию (за исключением Баварии), Австрию, Швейцарию, Бельгию и Нидерланды. Однако во Франции, Испании, Италии, Португалии и Баварии католические организации активно участвуют в обсуждении важных общественно-политических вопросов [1].

Влияние Ватикана на внутривнутриполитические процессы государств прослеживается не только в Италии и Испании - странах с наибольшим числом католиков в Европе. Во второй половине XX в. многие исследователи отмечали возросшее влияние таких организаций, как Понтификационная комиссия по Латинской Америке и Национальная конференция епископов Бразилии. Большое количество лоббистских организаций было неразрывно связано с католическими обществами и профсоюзами, а также со Святым Престолом [1].

За последние 150 лет Римско-Католическая Церковь превратилась в неотъемлемый субъект внутривластной жизни различных государств. Нормативно-правовая база Святого Престола, его статус как государственно-подобного образования и наблюдателя в ряде международных организаций, социальные и политические энциклики и буллы понтификов позволяют верховным иерархам Церкви заниматься общественно-политической деятельностью. Вопрос соответствия действий Церкви и основополагающих принципов ООН, в частности принципа невмешательства во внутренние дела государств, остается дискуссионным. С одной стороны, Святой Престол, являясь государственно-подобным образованием и наблюдателем в ряде структур ООН, обязан учитывать в своей деятельности принципы ООН. С другой стороны, ряд исследователей определяет Церковь как НКО, имеющую представительства по всему миру. Так или иначе, в большинстве случаев влияние Церкви обосновывается двусторонними документами, подписанными с правительствами государств, где указана ее роль на территории определенной страны или региона.

Список источников и литературы:

1. Декларация Конгрегации по делам клира. Институт философии, теологии и истории св. Фомы. Москва, 1982.
2. Журнал «Вестник Европы». Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 1886. С. 155-156.
3. Испания / Католическая энциклопедия. Т.2. Изд. францисканцев. М.: 2005. С. 539—555.
4. Испания: Церковь призвала выйти на демонстрацию против однополых браков [Электронный ресурс] // URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=67>
5. Крылов А.В. Международно-правовой статус святого престола в организации объединенных наций [Электронный ресурс] // URL:

<https://eurasialaw.ru/nashi-rubriki/yuridicheskie-stati/mezhdunarodno-pravovoj-status-svyatogo-prestola-v-organizatsii-ob-edinennykh-natsij>

6. Шейнман М.М. Ватикан и католицизм в конце XIX – начале XX века // Академия наук СССР. Москва. 1958. С. 5-9.
7. Corpus Juris Canonici. Институт философии, теологии и истории св. Фомы. Москва, 2007.
8. Eric O. Hanson. Catholic Church in World Politics. Princeton University Press. Princeton. New Jersey. P. 59-129.
9. Eric Solsten and Sandra W. Meditz, editors. Spain: A Country Study. Washington: GPO for the Library of Congress, 1988.
10. Non expedit [Electronic resource] // URL: <https://www.britannica.com/topic/non-expedit>
11. Pedro V. Salgado. O.P. Social Encyclicals. Commentary and Critique. R.P. Garcia Publishing Co., Inc. Quezon City. 1992.
12. Rerum Novarum. Encyclical of Pope Leo XIII on Capital and Labor [Electronic resource] // URL: http://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html
13. Ubi Nos On Pontifical States [Electronic resource] // Papal Encyclicals Online. URL: <https://www.papalencyclicals.net/pius09/p9ubinos.htm>
14. Unam sanctam. Булла Папы Бонифация VIII. Институт философии, теологии и истории св. Фомы.

МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Сёмина Евгения Вадимовна

магистрант,

Дипломатическая академия

Министерства иностранных дел Российской Федерации

syominajane@mail.ru

Научный руководитель:

Кулябина Лидия Николаевна

кандидат политических наук,

доцент кафедры политологии и политической философии

Дипломатической академии Министерства

и иностранных дел Российской Федерации

Eugenia V. Semina

Master's Degree Student

Diplomatic Academy of the

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

syominajane@mail.ru

Scientific adviser:

Lidiia N. Kuliabina

Ph.D. (Political Science), Associate Professor

Department of Political Science and Political Philosophy,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian

Federation

РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ СТРАН К РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ

УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

(НА ПРИМЕРЕ ДАНИИ, ТАНЗАНИИ И РОССИИ)

DIFFERENCE OF THE COUNTRIES' APPROACHES TO THE IMPLEMENTATION OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

(CASE STUDY OF DENMARK, RUSSIA AND TANZANIA)

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к реализации ЦУР в трех совершенно разных государствах с точки зрения уровня жизни, благосостояния, национальных приоритетов, экономического развития и

актуальных проблем – Дании, России и Танзании. Основное внимание уделяется имплементации ЦУР в национальную политику, вопросам финансирования устойчивого развития, а также влиянию национального контекста на локализацию ЦУР.

Abstract. The article discusses approaches to the implementation of the SDGs in three countries completely different in terms of living standards, well-being, national priorities, economic development and pressing problems - Denmark, Russia and Tanzania. The focus is on the implementation of the SDGs in national policy, financing for sustainable development, and the impact of the national context on the localization of the SDGs.

Ключевые слова: устойчивое развитие, имплементация ЦУР, Россия, Дания, Танзания, локализация, финансирование.

Keywords: sustainable development, SDG implementation, Russia, Denmark, Tanzania, localization, financing.

Цели устойчивого развития сегодня становятся одним из ключевых факторов, который составляет основу политических линий, проводимых правительствами стран в различных сферах, таких как экономика, экология, социальная политика и пр. О приверженности положениям Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. в 2015 г. заявили практически все государства мира. При этом мировое сообщество прошло долгий путь от зарождения самой идеи устойчивого развития до формирования документов, ее отражающих и содержащих конкретные цели, задачи и сроки их реализации. Таким образом, для обеспечения международной вовлеченности в реализацию данных целей и задач были учтены опыт и ошибки прошлых лет.

Отличительными особенностями ЦУР являются их универсальность, глобальность, взаимозависимость, участие в их реализации не только правительств, но и международных организаций, негосударственных

акторов, научного сообщества, гражданского общества, а также возможность их адаптации государствами под свои национальные условия.

Однако, несмотря на глобальный характер целей, обозначенных в документе ООН, движение к устойчивости происходит неравномерно: в одних государствах реализация ЦУР идет быстрее, чем в других, а где-то это только идея, за которой реальные действия вообще не просматриваются.

С аналитической точки зрения представляется продуктивным рассмотреть особенности реализации целей устойчивого развития в трех государствах - Дании, Танзании и России. Данные страны выбраны не случайно. Дания – это государство-лидер по реализации ЦУР, развитая страна с высоким уровнем жизни, с очень высоким индексом человеческого развития. Танзания, напротив, восточноафриканская страна, которая, несмотря на отсутствие крупных межнациональных конфликтов, наличие природных ресурсов и экономический рост последних лет, находится на одном из самых последних мест по урону жизни населения. Россия продолжает укреплять свои позиции как по характеру развития экономики, так и по показателям индекса человеческого развития, и на фоне повышения данных показателей в последние годы становится интересно, какое внимание уделяется ЦУР в нашей стране.

Имплементация ЦУР

Одной из отличительных черт ЦУР является то, что нет единого, общего руководства для их достижения. Страны сами определяют приоритетные для себя цели, исходя из национальных интересов, экономической ситуации, необходимых преобразований, местных возможностей. При этом существуют ключевые аспекты, по которым можно сформировать представление о степени вовлеченности страны в дело реализации ЦУР. К ним относятся наличие национальной стратегии устойчивого развития, имплементация ЦУР в иные национальные стратегические и программные документы, наличие ответственного за реализацию ЦУР органа, пути финансирования

устойчивого развития в стране, прогресс, зафиксированный по индексам УР за последние годы.

Дания занимает лидирующие позиции в деле реализации ЦУР. Однако, несмотря на то что Дания стояла у истоков формирования идей устойчивого развития и принимала активное участие во всех связанных с этим форумах, внедрение положений концепции в национальные стратегические документы началось лишь в начале 2000-х гг. Так, первая датская национальная Стратегия устойчивого развития была принята в 2002 г. При этом изначально страна не пошла по пути формальной локализации целей, не формируя свои цели конкретно под существующие условия, выбрав, однако, несколько приоритетных направлений. Согласно датской стратегии сотрудничества в области развития и гуманитарной помощи приоритетными для страны ЦУР стали № 5, 7, 13, 16 и 17 [7]. Однако План действий Дании, принятый в 2017 г., уже служит примером локализации ЦУР. В нем содержится 37 национальных целей, для каждой из которых были разработаны индикаторы, в основном количественные, способствующие мониторингу за прогрессом достижения целей [6]. Это свидетельствует о том, что с учетом имеющегося опыта в деле имплементации ЦУР датское правительство в итоге перешло к локализации как к наиболее эффективному механизму внедрения устойчивого развития в свою политику.

Важным показателем ориентации Дании на реальную интеграцию УР в свою внутреннюю политику является передача руководства межведомственной рабочей группой, созданной с целью реализации ЦУР, от МИД Министерству финансов. При этом экспертные знания получают из отраслевых министерств, отвечающих за разработку курса, направленного на достижение ЦУР.

В Танзании не было сформировано национальной стратегии устойчивого развития, однако был принят Национальный план развития, согласно которому приоритетными целями становятся превращение Танзании к 2025 г. в государство со средним уровнем дохода, а также в полупромышленную

страну, с хорошим уровнем жизни, мирную, стабильную, для которой характерно верховенство закона, с обществом, имеющим равные возможности для получения образования, и, конечно, с сильной, конкурентоспособной экономикой [9]. Т.е. в первую очередь подразумевается экономический рост, который должен способствовать повышению уровня жизни населения, значительному сокращению бедности, высокие показатели которой являются одной из наиболее острых проблем страны, а также созданию рабочих мест.

Сегодня Танзания входит в число стран, экономики которых развиваются наиболее динамичными темпами. Так, в последние годы годовой рост ВВП в среднем составляет 7%, при этом среднемировые темпы роста экономики колеблются между 3-4%. Однако показатель ВВП страны на душу населения все еще остается на очень низком уровне, и в 2019 г. составил всего 1122 долл. США [3], что едва позволило Танзании выйти из категории стран с низким уровнем дохода, преодолев принятый Всемирным банком порог в 1045 долл. США на душу населения. При этом в Национальном плане по развитию страны целью ставилось достижение показателя среднего номинального дохода на душу населения в размере 3000 долл. США к 2025 г., что вряд ли представляется достижимым, учитывая также и пандемию коронавируса, внесшую свои коррективы во все ЦУР.

В Танзании до сих пор не было создано какого-либо органа, подразделения или рабочей группы, на которые были бы возложены обязательства по реализации ЦУР. Согласно Добровольному национальному обзору реализации целей устойчивого развития в Танзании система координации и мониторинга все еще находится в стадии разработки [11].

Также необходимо отметить, что, хотя Национальный план развития Танзании и отражает идеи устойчивого развития, ЦУР как термин в нем не упоминаются. Совпадение целей Повестки с целями, обозначенными в Плане, обусловлено по большей мере тем, что ЦУР универсальны и отвечают элементарным стандартам развития любого государства.

В России фактически нет локализации ЦУР, и на сегодняшний день так и не была принята национальная стратегия устойчивого развития. Принципы перехода страны к устойчивому развитию были сформулированы еще в 1996 г. в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, которая была принята Указом Президента Российской Федерации № 440 от 01.04.1996 г. [4], и с того времени новых документов по данной тематике принято не было. То есть переход России к УР выглядит достаточно медленным и ограниченным. Тем не менее многие цели и задачи УР в той или иной степени отражены в иных стратегических и программных документах, принятых ранее и принимаемых сейчас. Сегодня наметилась тенденция к некоторому ускорению процессов в данной области, платформой для ЦУР в России стали национальные проекты по таким приоритетным для страны направлениям, как демография, здравоохранение, образование, занятость, жилье, экология, инфраструктура, инновации, предпринимательство и международное сотрудничество.

Через нацпроекты хоть и расставляются национальные приоритеты, которые в отдельных случаях могут соотноситься с ЦУР, однако это не является локализацией целей. Для реального запуска процессов перехода к устойчивому развитию все же необходима стратегия, полноценный документ, который лег бы в основу политики, проводимой в данной области.

В России не существует отдельного министерства или иного органа, перед которым бы стояла задача по достижению ЦУР, а, учитывая всеобъемлющий характер целей, ими занимаются различные ведомства. В 2012 г. при Администрации Президента с целью координации работы между органами была создана рабочая группа по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития.

Вопросы финансирования

В Дании как положения Плана действий, так и в целом иная государственная деятельность по достижению целей устойчивого развития

финансируются за счет бюджетных ассигнований, ежегодно утверждаемых правительством [10]. Также для стимулирования перехода бизнеса в русло «зеленой» экономики действует жесткая налоговая политика, в основу которой положен принцип «загрязнитель платит», суть которого состоит в полной оплате издержек со стороны лица, ответственного за причинение ущерба окружающей среде. Таким образом, средства, используемые на защиту и восстановление экологии, поступают в бюджет от лиц, ответственных за причиненный ущерб.

В России средства на реализацию нацпроектов выделяются из федерального бюджета. Кроме того, сейчас разрабатывается ряд стимулирующих мер, способствующих созданию инструментов финансирования устойчивого развития и привлечению для этих целей внебюджетных средств. Соответствующий проект распоряжения Минэкономразвития внесло в Правительство РФ [2].

В российской экономике постепенно внедряются методы и инструменты, которые используются для стимулирования и поддержки «зеленой» экономики. Это прямое бюджетное финансирование природоохранных проектов, субсидии, льготное кредитование, налоговые льготы, дифференцированные коэффициенты, применяемые при исчислении платы за негативное воздействие на окружающую среду. Больше трудностей вызывают сдерживающие меры, поскольку в России сложилось сильное лобби топливно-энергетического комплекса, и такая успешная для Дании концепция, как «загрязнитель платит» в нашей стране входит в противоречие с интересами крупных энергетических компаний. Так Российский союз промышленников и предпринимателей активно выступает против введения экологического налога, предложения о котором поступают в правительство на протяжении нескольких лет. Сегодня в стране действует некий сбор за оказываемое компаниями негативное воздействие на окружающую среду, который экологами не признается достаточно прозрачным.

Безусловно, успехи и возможности в деле достижения ЦУР напрямую зависят от преимуществ, которые государству дает его экономическое развитие. В этой связи международное сообщество консолидирует усилия с целью содействия развивающимся странам.

Официальная помощь развитию (ОПР) является значимой по объему финансовых потоков частью политики содействия международному развитию (СМР) и определяется как помощь, оказываемая на льготных условиях государственным сектором стран-доноров и направленная на содействие экономическому развитию и благосостоянию развивающихся стран.

Дания также лидирует и в сфере оказания помощи развивающимся странам и является одной из шести стран, достигнувших заявленной цели по выделению 0,7 ВНД на помощь развитию, что зафиксировано в законопроекте о государственном бюджете на 2020 г. Согласно данному законопроекту общая помощь развитию составит 16 948,4 млн датских крон, что примерно на 500 млн больше, чем в 2019 г. [9]

В стране создана специальная структура при Министерстве иностранных дел, которая занимается помощью в целях развития – Датское агентство международного развития (Данида). Политика Дании в области развития нацелена на искоренение бедности и обеспечение устойчивого развития, а регионы, на которые направлена деятельность агентства – это преимущественно Азия, Африка, Латинская Америка. Ежегодно правительство представляет парламенту приоритеты в области сотрудничества в целях развития на предстоящий трехлетний период.

Танзания, бедная развивающаяся страна, в качестве помощи от стран-доноров получает прямую финансовую поддержку, которую распределяет по различным проблемным сферам, таким как сельское хозяйство, здравоохранение, образование, государственные институты, инфраструктура и др. Несмотря на то, что имеются положительные результаты в виде экономического роста, повышения доступности социальных услуг и

образования (особенно начального), снижения детской смертности и уровня инфекционных заболеваний, проведения ряда реформ, нацеленных на повышение прозрачности в правительстве, таких как реформа государственной службы, местного правительства, реформа управления государственными финансами и реформа правового сектора, ключевые проблемы в стране так и не решены. Уровень бедности остается стабильно высоким, сохраняются проблемы с обеспечением медицинских учреждений кадровыми ресурсами, особенно в сельской местности, с качеством медицинских услуг.

Реализация ЦУР в Танзании, безусловно, требует больших финансовых затрат, на которые бюджета страны не хватает. Поэтому правительство использует средства, получаемые в рамках официальной помощи развитию, а также пытается мобилизовать частный сектор и привлечь инвестиции.

Россия до 2005 г. по причине экономического кризиса, последовавшего за распадом СССР, входила в число получателей ОПР, и лишь с 2006 г. сама стала государством-донором. В Концепции государственной политики в сфере содействия международному развитию, принятой в 2014 г., содержатся основные приоритеты и формы оказания Россией помощи развивающимся странам. При этом важными направлениями для России являются государства, расположенные на постсоветском пространстве, имеющие исторические связи с Россией, а также развивающиеся страны, сотрудничество с которыми отвечает российским национальным интересам [6]. Согласно Добровольному национальному обзору, основная часть помощи, оказываемой Россией развивающимся странам, нацелена на поддержку системы здравоохранения, образования, а также на мероприятия, направленные на обеспечение продовольственной безопасности. По линии ООН Россией финансируются проекты развития отстающих регионов и территорий отдельных стран в целях повышения качества жизни местного населения.

Влияние национального контекста

Национальные подходы к реализации ЦУР определяются рядом факторов, такими как национальные интересы, финансовые возможности, степень экономической развитости государства, уровень и структура управления, политическая воля руководства. Все три рассматриваемых государства имеют различный национальный контекст, влияющий на степень вовлеченности в реализацию ЦУР и выбор приоритетных целей.

Для Танзании, которая является бедной развивающейся африканской страной, первоочередной становится социально-экономическая составляющая устойчивого развития. Основное внимание сосредоточено на экономическом росте, который необходим, чтобы удовлетворить базовые социальные потребности граждан (ликвидация нищеты, голода, обеспечение доступа к медицине, образованию, чистой воде и санитарии).

Дания обладает высоким уровнем развития, хорошими финансовыми возможностями, ее программные и стратегические документы демонстрируют приверженность устойчивому развитию. Имея хорошие исходные данные в экономической и социальной составляющих ЦУР и продолжая работать в этих сферах, страна также большое внимание уделяет экологическому вопросу, поэтому многие планы и проекты ориентированы на концепцию «зеленой» экономики. Показатели по ЦУР находятся на высоком уровне, идет активная совместная работа всех стейкхолдеров, а расходы на реализацию ЦУР заложены в государственном бюджете страны.

Россия могла бы стать пионером в области устойчивого развития, однако долгие годы процесс перехода отражался только в некоторых политических заявлениях и отдельных документах. Реальная деятельность в области реализации целей началась лишь в последние годы, и важным механизмом в этом деле стали нацпроекты. Тем не менее, чтобы Россия смогла действительно интегрироваться в международный контекст и начать реальный и эффективный переход к устойчивому развитию, все ключевые положения Повестки 2030 необходимо отразить в национальной стратегии

устойчивого развития страны, которая должна стать основой для проведения соответствующего политического курса.

Среди факторов, определяющих движение страны к устойчивому развитию, основными на сегодняшний день являются степень экономического развития, актуальные внутренние социально-экономические проблемы государств и политическая воля правительств.

Что касается отношения к ЦУР со стороны правительств рассматриваемых стран, то здесь тоже видна существенная разница, которая определяет особенности реализации целей и прогресс в переходе к устойчивому развитию в данных государствах. Для Дании ЦУР представляют собой ориентир, с основой на который строится национальная политика страны. Для России сейчас ЦУР – это скорее популярный концепт, который только начинает действительно развиваться. Постепенно приходит понимание необходимости перехода к устойчивому развитию и удобства ЦУР для проведения преобразований. Танзанийское правительство, для которого приоритетной задачей сегодня является экономический рост, рассматривает ЦУР как возможность привлечь иностранную помощь и инвестиции.

Список источников и литературы:

1. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Российская Федерация, 2020. [Электронный ресурс] // URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 29.10.2020 г.)

2. Минэкономразвития обеспечит системный подход в продвижении инвестиций в устойчивое развитие в России / Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_obespechit_siste

mnyu_podhod_v_prodvizhenii_investiciy_v_ustoychivoe_razvitie_v_rossii.html
(дата обращения: 30.10.2020 г.)

3. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция ГА ООН от 21.10.2015 A/RES/70/1 [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R (дата обращения: 30.10.2020 г.)

4. Сайт Всемирного банка [Электронный ресурс] // URL: <https://data.worldbank.org/country/tanzania?view=chart> (дата обращения: 20.10.2020)

5. Указ Президента Российской Федерации «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» № 440 от 01.04.1996. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120> (дата обращения: 20.10.2020 г.)

6. Указ Президента Российской Федерации от 20.04.2014 г. № 259 «Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию». [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38334> (дата обращения: 29.10.2020 г.)

7. Action Plan for Denmark's national and international follow-up on the SDG. [Электронный ресурс] // URL: https://um.dk/~media/um/danish-site/documents/danida/det-vil-vi/2015-maal/150517%20handlingsplan%20for%20fn%20verdensmlene_web.pdf (дата обращения: 31.10.2020 г.)

8. Danish Strategy for Development Cooperation and Humanitarian Action, The World 2030. [Электронный ресурс] // URL: <https://um.dk/~media/um/english-site/documents/danida/goals/strategy/the%20world%202030%20%20denmarks%20strategy%20for%20development%20cooperation%20and%20humanitarian%20action.pdf> (дата обращения: 01.11.2020 г.)

9. Finansloven for 2020. Finansministeriet. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.regeringen.dk/publikationer-og-aftaletekster/finansloven-for-2020/>

(дата обращения: 29.10.2020 г.)

10. National Five Year Development Plan 2016/17-2020/21. [Электронный ресурс] // URL: https://www.mof.go.tz/mofdocs/msemaji/Five%202016_17_2020_21.pdf (дата обращения: 29.10.2020 г.)

11. Report for the Voluntary National Review / Denmark's implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. The Danish Government/Ministry of Finance. 2017. [Электронный ресурс] // URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16013Denmark.pdf>

(дата обращения: 27.10.2020 г.)

12. Voluntary National Review. Republic of Tanzania, 2019. [Электронный ресурс] // URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23429VNR_Report_Tanzania_2019_FINAL.pdf (дата обращения: 30.10.2020 г.)

Ермолаева Дарья Владимировна
магистрант Дипломатической академии Министерства иностранных
дел Российской Федерации
dariaermolaeva97@gmail.com

Научный руководитель:
Тимакова Ольга Александровна
кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии
и политической философии Дипломатической академии Министерства
и иностранных дел Российской Федерации

Daria V. Ermolaeva
MA student at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
dariaermolaeva97@gmail.com

Scientific adviser:
Olga A. Timakova
Ph.D. (Political Science), Senior Lecturer
at the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

**ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФРАКЦИЙ
ЕВРОСКЕПТИКОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ**

**PROCESS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF
EUROSCEPTIC FACTIONS IN THE EUROPEAN PARLIAMENT**

Аннотация. В связи с ростом популярности идей евроскептиков не только на национальном уровне, но и на наднациональном, в статье рассмотрен процесс становления и развития фракций евроскептической направленности в Европейском парламенте, а также проведен сравнительный анализ их программных установок.

Abstract. Due to the growing popularity of Eurosceptic ideas not only at the national level, but also at the supranational level, the article deals with the evolution of the formation and development of Eurosceptic factions in the European Parliament, as well as a comparative analysis of their program guidelines.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейский парламент, евроскептицизм, фракции.

Key words: the European Union, the European Parliament, Euroscepticism, factions.

Европейский союз является политическим и экономическим объединением 27 государств Европы, история которого насчитывает более 60 лет [41]. За это время был пройден значительный путь становления от отраслевой организации стран Западной Европы к более продвинутому интеграционному объединению.

Длительные дебаты относительно будущего ЕС, восходящие к периоду основания ЕОУС, всегда характеризовались глубоким скептицизмом в отношении способности европейских государств преодолеть их вековые различия и объединиться в рамках полностью интегрированного политического сообщества [12, с. 4].

Последние два десятилетия распространение антиевропейских настроений является одной из важнейших особенностей интеграционного процесса. Длительный миграционный, экономический и политический кризис создали благоприятные условия для активизации оппозиционных сил. Евроскептицизм как политическое явление в Европейском союзе постепенно укоренился на национальном и наднациональном уровнях. Цель научного исследования заключается в рассмотрении процесса развития и становления фракционных групп евроскептического толка в Европейском парламенте.

Полномочия Европейского парламента

Впервые идея создания парламентского органа в Европе была выдвинута в ходе Гаагского конгресса [7, с.199]. Впоследствии была образована Всеобщая Ассамблея Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), которая является предшественницей Европейского парламента [42].

С момента своего создания институт претерпел значительные изменения: из ассамблеи он превратился в избираемый парламент, который

признается в качестве законодательной силы наравне с Советом ЕС и способен влиять на политическую повестку дня Европейского союза.

В 1979 г. были проведены первые выборы в Европейский парламент. Несмотря на то, что полномочия Европейского парламента практически не изменились, первые прямые выборы были признаны фундаментальным, поистине революционным событием, так как с этого времени парламент приобретает легитимность и может играть непосредственную роль в процессе принятия решений в Европейском сообществе. Отклонение проекта бюджета в декабре 1979 г. стало первым таким решением. Это было в значительной степени символическим проявлением решимости парламента использовать свои бюджетные полномочия с целью приобретения законодательной власти [12, с.38].

С тех пор число евродепутатов неуклонно росло по мере присоединения новых членов. Амстердамский договор (1991 г.) ввел максимальное количество участников - 700. Ницким договором (2001 г.) было предусмотрено 732 члена, а Лиссабонским договором (2007 г.) установлено 750 членов, включая председателя парламента [12, с.50].

Разделение на фракции делает нынешний парламента уникальным. В 1953 г. члены Ассамблеи, назначенные национальными парламентами, приняли решение заседать в парламенте не в составе национальных делегаций, а в соответствии со своими политическими взглядами. Были созданы три политические группы, представляющие христианских демократов, социалистов и либералов. В период с 1965 по 1973 гг. постепенно присоединились еще три политические группы, состоящие из консерваторов, коммунистов и «голлистов» [12, с.51].

Расширение функций Европейского парламента было постепенным процессом. В 1970 г. произошло увеличение бюджетных полномочий. Единый европейский акт расширил роль парламента в определенных законодательных сферах, а также установил, что договоры о присоединении и ассоциации должны приниматься с согласия Европейского парламента [42].

Маастрихтский договор ознаменовал начало преобразования Парламента в созаконодателя. Также договор предоставил Парламенту право утверждения состава Комиссии, что стало важным начальным шагом с точки зрения политического контроля Парламента над исполнительной властью ЕС [42]. Окончательно Парламенту была предоставлена роль законодателя наравне с Советом ЕС с принятием Амстердамского договора. Председатель Комиссии ЕС получал назначение с одобрения Парламента, что расширило его полномочия по контролю над исполнительной властью. Ниццкий договор расширил сферу применения процедуры совместного принятия решений. У Парламента появилось больше законодательных и контролирующих функций [42].

Лиссабонский договор стал еще одним важным дополнением как к применению голосования квалифицированным большинством в Совете, так и к использованию процедуры совместного принятия решений (в настоящее время она распространяется примерно на 45 новых законодательных областей). Процедура совместного принятия решений известна в настоящее время как обычная законодательная процедура. Роль Европейского парламента в подготовке будущих поправок к договорам также стала более значимой [42].

Итак, рассмотрев процесс расширения полномочий в Европейском парламенте, стоит сказать, что в последнее время функционирование данного института вызывает все больший интерес у научного сообщества. Он обусловлен непосредственно тем, что деятельность законодательного органа включает в себя проблемы и общеевропейского, и государственного, и регионального плана. Именно в рамках такой многоплановой работы органа происходят обсуждения, в ходе которых возникают фундаментальные предложения [1, с.5].

Евроскептицизм в Европейском парламенте

Переходя непосредственно к рассмотрению деятельности евроскептиков в Парламенте, стоит уточнить, что евроскептицизм как политическое явление возник в 80-е гг. XX столетия. Сам термин «евроскептицизм» появился в британской газете «Таймс» применительно к премьер-министру Великобритании М. Тэтчер [8, с.51]. Одно из наиболее приемлемых определений евроскептицизма дал П. Таггарт, говоря, что это не только сомнение в процессе европейской интеграции, но и противодействие ему [32, с.50].

Несмотря на то, что в Европейском союзе существует большое количество направлений евроскептицизма, научно-экспертное сообщество выделяет два основных: «мягкий» и «жесткий» евроскептицизм. «Жесткий» подразумевает принципиально негативную позицию в отношении как самого ЕС, так и европейской интеграции. В то время как «мягкий» евроскептицизм – это оппозиция определенным областям политики ЕС или понимание того, что национальные интересы находятся в противоречии с политикой ЕС [22].

Стоит отметить, что евроскептицизм проявляется не только среди политических партий правого толка. Как и в самих странах Европейского союза, так и в Европейском парламенте существуют евроскептические партии левого фланга. В большинстве случаев партии правого толка выражают опасения относительно принципа суверенитета и культурной однородности. В свою очередь, евроскептики левого толка демонстрируют озабоченность в отношении социального государства и выступают против либерализации рынков. Впрочем, существует смешение этих установок. К примеру, с течением времени евроскептики левого фланга также обращаются к принципу национального суверенитета [4, с.121].

Политический евроскептицизм – это, в первую очередь, противодействие мерам, направленным на значительное углубление европейской политической и экономической интеграции, он выражается в оппозиции конкретным действиям, способствующим расширению компетенций ЕС. В то же время он не является несовместимым с

выражением широкой поддержки проекта европейской интеграции. Так, политика евроскептицизма может быть проевропейской, но в тоже время быть направленной против положений Маастрихтского договора или членства страны в еврозоне. Это феномен, который зависит от страны и конкретных проблем, стоящих на повестке дня в определенный момент времени, а также обусловлен конкретной стадией развития интеграционного процесса [36, с.3].

Рассматривая деятельность евроскептиков в Европейском парламенте, необходимо принимать во внимание их участие на трех партийно-организационных уровнях - национально-партийном уровне, уровне европейских партий и уровне политических групп (фракций) [4, с.139].

И здесь стоит отметить, что в Европейском парламенте основными субъектами политического процесса являются парламентские политические группы (фракции), в состав которых входят европартии [6, с.142].

Европартия - транснациональные и внепарламентские объединения политических партий национальных государств-членов ЕС в соответствии с их политическими взглядами. Они не идентичны фракциям в Парламенте, но тесно сотрудничают друг с другом [18]. Европартии имеют право вести предвыборную кампанию в ходе европейских выборов и выражать свою позицию через участие в политических группах в Европарламенте [19].

Фракции организованы не в соответствии с национальной принадлежностью депутатов, а в соответствии с политической приверженностью. В настоящее время в Европарламенте действует 7 политических групп. Минимальным количеством членов для создания фракции принято считать 25. Также в составе одной фракции должна быть представлена по крайней мере четверть государств-членов. Члены фракций не могут входить в другие политические фракции в Европейском парламенте [44].

Важная роль фракций заключается в том, что члены участвуют в формировании состава парламентских комитетов, распределении функций

Европейского парламента, определении повестки дня и проведении голосования. Фракции включают не только представителей европартий, но и представителей национальных партий и независимых депутатов [4, с.140].

Выборы в Европейский парламент проводятся каждые пять лет и являются крупнейшими транснациональными выборами в мире. Но, несмотря на то, что полномочия Европарламента постепенно расширялись, интерес избирателей к выборам снижался. В 1979 г. проголосовало 62% избирателей, в 2014 г. было зарегистрировано лишь 43% [22]. Тем не менее в 2019 г. по итогам девятых прямых выборов в Европейский парламент явка избирателей значительно возросла за последние 20 лет и составила в среднем по ЕС более 50% [17]. Такой рост обусловлен тем, что свое начало берет процесс противодействия недостаточной демократической легитимности институтов ЕС, а также это демонстрирует то, что Европейский парламент усилит свое положение в качестве реально действующего института законодательной власти в ЕС.

Результаты выборов в 2019 г. свидетельствуют о потере мест центристскими фракциями в Европейском парламенте в пользу либералов и «зеленых», с одной стороны, и ультраправых, объединившихся под новым названием - с другой. Эти изменения становятся наиболее заметными, если посмотреть на количество участников политических фракций Европейского парламента [38, с.8].

На девятом сроке полномочий (2019 – 2024 гг.) Европейского парламента из семи существующих фракций три - евроскептической направленности: «Идентичность и демократия», «Европейские консерваторы и реформисты», «Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера» (см. табл. 1) [33].

Фракция ЕП	Количество членов	Национальные партии [27]	
Идентичность и демократия (2019) 	76	Альтернатива для Германии Австрийская партия свободы Фламандский интерес (Бельгия) Свобода и прямая демократия (Чехия) Датская народная партия	Консервативная народная партия Эстонии Истинные финны Национальное объединение (Франция) Лига (Италия) Партия свободы (Нидерланды)
Фракция ЕП	Кол-во членов	Национальные партии [9]	
Европейские консерваторы и реформисты (2009) 	61	Братья Италии Болгарское национальное движение Гражданская демократическая партия (Чехия) Реформистская партия (Нидерланды) Избирательная акция поляков Литвы – союз христианских семей (Литва) Семейная партия (Германия) Форум за демократию (Нидерланды) Свобода и солидарность (Словакия)	Согласие (Польша) Христианско-демократическая национал-царанистская партия (Румыния) Польская солидарность Шведские демократы Хорватская консервативная партия Голос (Испания) Греческое решение Право и справедливость (Польша) Отечеству и свободе (Латвия) Новый фламандский альянс (Бельгия)
Фракция ЕП	Кол-во членов	Национальные партии [25]	
Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера (1995) 	39	Прогрессивная партия трудового народа Кипра Левый блок (Португалия) Левая партия (Германия) Единство страны Басков (Испания) Единый список – красно-зеленая коалиция (Дания) Независимые за перемены (Ирландия) Объединенные левые (Испания) Коммунистическая партия Чехии и Моравии Непокоренная Франция	Люк «Минг» Флэнаган (независимый ирландский депутат) Партия труда Бельгии Португальская коммунистическая партия Партия для животных (Нидерланды) Подemos (Испания) Шинн Фейн (Ирландия) Коалиция радикальных левых (Греция) Левая партия (Швеция) Левый союз (Финляндия)

Таблица 1: Фракции евроскептиков в Европейском парламенте.

*Процесс становления и развития фракций евроскептиков в
Европейском парламенте*

Впервые бурный рост поддержки партий евроскептиков во всех 28 государствах-членах ЕС был отмечен в ходе выборов в Европейский парламент в 2014 г. [3]. Причем широкое распространение в Европейском парламенте восьмого состава (2014 – 2019 гг.) получили правопопулистские партии [15, с.31]. Партии правого фланга были представлены в трех фракциях: «Европейские консерваторы и реформисты», «Европа за свободу и прямую демократию» и «Европа наций и свобод» [15, с.31]. Левый фланг представляли «Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера» [16].

«Европа за свободу и демократию» была образована в 2009 г. [30]. Лидер «Партии независимости Соединенного Королевства» Найджел Фарадж в 2014 г. объявил, что новым названием фракции станет «Европа за свободу и прямую демократию» [21]. Депутаты фракции выступали против существования единой валюты и создания европейского «супергосударства» и поддерживали возвращение власти национальным государствам [39]. В 2019 г. после девятых выборов в Европейский Парламент фракция прекратила свое существование [13]. Партия ПНСК в Европарламенте была заменена новой «Партией Брексита» [5], которая не участвовала ни в одной из фракций.

Фракция «Европа наций и свобод» образовалась в 2015 г. В ее составе впервые были объединены такие партии, как «Национальное объединение» (Франция), «Лига» (Италия), «Фламандский интерес» (Бельгия), «Австрийская партия свободы», «Партия свободы» (Нидерланды) [29, с.2] В девятом составе Европарламента (2019 – 2024 гг.) представители этих партий являются участниками новой фракции «Идентичность и демократия» (см. табл.1).

Партии «Европы наций и свобод» готовы были принять общую европейскую идентичность, несмотря на их различную национальную принадлежность. Один из представителей «Национального объединения» отмечал, что их позиция не является негативной по отношению ни к Европе и ее институтам, ни к европейской идентичности. Депутат из «Лиги» в свою очередь подчеркнул, что они считают себя европейцами и сотрудничество между европейскими народами имеет фундаментальное значение для будущего [29, с.17].

«Европа наций и свобод» приобрела важное значение в связи с вызовами, возникшими в XXI в., которые представляют угрозу для народов Европы. Представители данной фракции считают, что национальные политические элиты или бюрократы Брюсселя представляют опасность, поэтому их сотрудничество в рамках фракционного объединения необходимо для защиты суверенитета государств-членов ЕС, самобытности и безопасности христианской Европы от светской и глобалистской элиты, иммигрантов, в особенности мусульман. Это подтверждается высказыванием одного из деятелей «Австрийской партии свободы»: «Мы против исламизации Европы, мы хотим защитить идентичность, культуры, разные языки и разные народы Европы» [29, с.17 – 18].

В Европейском парламенте никогда не существовало фракции, полностью состоящей из радикальных правых популистских партий. «Европа наций и свобод» не только обеспечила себе присутствие в Европейском парламенте, но и партии, входящие в ее состав, доказывали свою приверженность делу, предпринимая шаги и на национальном уровне. После миграционного кризиса в Европе возросла значимость проблемы иммиграции, которая стала центральной для партий, входящих в состав фракции. Также депутаты из «Европы наций и свобод» подчеркивали важность национальной самобытности и принципа суверенитета, отстаивали понятие европейской идентичности [29, с.20].

Ультраправая фракция «Идентичность и демократия», созданная в 2019 г. на девятом сроке полномочий Европарламента [31] при инициативе бывшего министра внутренних дел Италии и главы партии «Лига» Маттео Сальвини, заменила ультраправую фракцию «Европа наций и свобод» [38, с.9], 36 членов которой представляли наименьшую фракцию в Европейском парламенте, а большинство - партию Марин Ле Пен «Национальное объединение» [16].

В ее состав входят партии из десяти стран Евросоюза (см. табл. 1). Общее количество членов составляет 76. Фракция «Идентичность и демократия» является четвертой по численности в новом составе Европарламента [33]. Представители итальянской партии «Лига» составляют большинство в этой группе [20].

По итогам выборов в Европейский парламент количество депутатов достигло 73. После выхода Великобритании из ЕС состав фракции увеличился до 76 членов [37]. Три места были распределены между депутатами из «Лиги» (Италия), «Национального объединения» (Франция) и «Партии свободы» (Нидерланды) [43].

В настоящее время фракция «Идентичность и демократия» также основывает свой политический проект на важности отстаивания свободы, принципа суверенитета и subsidiarity, самобытности европейских народов и наций. Участники отвергают идеи создания европейского «супергосударства» и любой новой передачи полномочий на наднациональный уровень. Поэтому члены фракции осознают необходимость реформирования ЕС с целью укрепления принципа subsidiarity и демократии, а также обеспечения большей прозрачности и подотчетности в процессе принятия решений [10].

Кроме того, «Идентичность и демократия», несмотря на новый состав участников, как и ранее, остается привержена делу сохранения идентичности граждан и наций Европы. основополагающим принципом остается контроль, регулирование и ограничение процесса иммиграции. Ее члены выступают за

существование более безопасной обстановки в Европе с качественно защищенными внешними границами. Призывают сотрудничать в борьбе против терроризма и исламизации. Решительно отстаивают дело защиты верховенства права и личной свободы, при этом делая упор на защиту свободы слова [10]. Также цель этой фракции - создание рабочих мест и обеспечение роста экономики [34].

Основным приоритетом фракции «Идентичность и демократия» является [10], в первую очередь, возможность существования права, которое позволит государствам вернуть часть суверенитета, утраченного в ходе передачи полномочий на наднациональный уровень. Также члены будут выступать против любого расширения полномочий ЕС на другие области политики, где право вето государств-членов не будет применяться. Во-вторых, важным направлением служит усиление защиты внешних границ ЕС. В-третьих, по их признанию, европейская цивилизация, ее христианское наследие и национальная самобытность должны быть защищены. Переговоры о присоединении Турции в таком случае необходимо прекратить. И, в-четвертых, фракция будет выступать против любых попыток навязать бюджет еврозоны и прямые налоги ЕС.

Правоцентристская фракция «Европейские консерваторы и реформисты» [9] является шестой по численности в Европейском парламенте после выборов в 2019 г. и включает 61 депутата [33]. В ней представлены партии из 15 стран-членов ЕС (см. табл. 1).

Фракция «Европейские консерваторы и реформисты» была основана в 2009 г. после очередных выборов в Европейский парламент с целью объединения общих интересов, таких как атлантизм, децентрализм, свободный рынок и антибюрократизация. На тот момент крупнейшими партиями, образующими группу, были «Консервативная партия Великобритании», польская партия «Право и справедливость» и «Гражданская демократическая партия Чешской Республики» [11, с.103].

По идеологической направленности эта фракция считается консервативной и антифедералистской в Европейском парламенте. Консерваторы высказываются за поддержку статуса-кво, демонстрируя уважение власти, политических и культурных традиций. Партии, образовавшие группу в Европейском парламенте в 2009 г., являются в основном представителями либерального и социального консерватизма [11, с.103]. Название «реформисты» подразумевает стремление фракции проводить реформы, а программные документы партии гласили: «Мы должны найти в себе мужество, чтобы предоставить новое сильное руководство, готовое переосмыслить нынешнюю парадигму ЕС и сформулировать новое видение развития ЕС, чтобы доказать, что мы готовы предложить позитивные решения для будущего развития ЕС» [11, с.103].

Также эта фракция по идеологической направленности - правоцентристская и евроскептическая. Однако участники фракции называют себя еврореалистами с момента образования, нежели евроскептиками. Депутаты объясняли это таким образом: «Мы хотим, чтобы ЕС реформировался. Мы не можем называть себя евроскептиками в том смысле, в котором СМИ, особенно в Великобритании, используют этот термин относительно сепаратистов, желающих выйти из ЕС. Тем не менее мы также скептически относимся ко многим выдвигаемым идеям и текущей политике ЕС. «Еврореализм» является более точным и нейтральным термином, который был согласован со всеми участниками» [11, с.104]. Согласно определениям «мягкого» и «жесткого» евроскептицизма, участники фракции «Европейские консерваторы и реформисты» представляют собой последователей «мягкого» евроскептицизма.

В соответствии с нынешними приоритетами фракции депутаты также считают, что Европа нуждается в децентрализации и снижении уровня бюрократии. Необходимо способствовать справедливой и свободной торговле, восстановлению и росту экономики, реформированию миграционной системы [35].

Они считают, что в основе каждого решения, принимаемого ЕС, должен быть вопрос о том, приносит ли оно пользу налогоплательщикам всего Союза. Поэтому для достижения этих целей евродепутаты от этой фракции продолжают уделять основное внимание децентрализации, объединению людей и бизнеса, содействию справедливой и свободной торговле, а также развитию безопасной и надежной Европы [9].

Представители этого политического блока утверждают, что их усилия ежедневно приносят результаты, тем самым они улучшают жизнь граждан ЕС. Они и дальше будут продвигать программу долгосрочных общеевропейских реформ, продолжать работу по обеспечению более гибкого, открытого и экономически динамичного европейского объединения, который уважает стремления своих граждан, ответственно распоряжается финансами налогоплательщиков и уважает суверенитет национальных правительств [9].

«Европейские консерваторы и реформисты» отстаивают равноправное отношение ко всем государствам-членам, стремятся подтолкнуть ЕС к большей финансовой ответственности, поиску новых сфер сотрудничества для людей и бизнеса, решению миграционного кризиса и усиленной борьбе с террористической угрозой, а также к принятию глобального подхода к повышению конкурентоспособности ЕС на мировой арене [9].

Несмотря на то, что фракция «Европейские консерваторы и реформисты» больше известна своей неоднородностью и тем, что внутри неё существуют разногласия, её представители, тем не менее, имеют одинаковое видение будущего ЕС. Для них ЕС не может быть государством, Европейская комиссия – правительством. Несомненно, они считают, что народы Европы – это одна европейская семья, но в то же время выступают противниками возможной федерализации [40].

Говоря об умеренном евроскептицизме в Европейском парламенте, стоит отметить деятельность такой фракции, как «Европейские объединенные левые / Лево-зеленые Севера», партии которой

придерживаются идеологии левого фланга [23]. Данная фракция была образована в 1995 г., объединяет 39 евродепутатов по итогам выборов в 2019 г. [33]. В её состав входят партии социалистического и коммунистического характера из 16 стран ЕС (см. табл. 1). Они не являются однородной политической фракцией относительно идейных и партийно-политических взглядов. В основном там представлены евродепутаты, которые придерживаются посткоммунистических идей [2, с.263].

Еще до проведения прямых выборов в Европейский парламент в 1989 г., леворадикальные партии являлись участниками Парламента в рамках работы фракции «Коммунисты и союзники» [26]. Деятельность фракции под таким названием продолжалась вплоть до 1989 г. По итогам выборов в 1989 г. были образованы две фракции - «Европейские объединенные левые» и «Коалиция левое единство». После европейских выборов в 1994 г. начался процесс объединения левых сил. Впоследствии была создана конфедерация «Европейские объединенные левые» (Confederal Group of the European United Left) [26].

Последующее расширение ЕС в 1995 г., в результате чего были включены в состав Союза такие страны, как Австрия, Финляндия и Швеция, повлекло за собой образование неформальной фракции в Европейском парламенте «Левозеленые Севера», участники которой впоследствии присоединились к фракции «Европейские объединенные левые». С тех пор фракция носит название «Европейские объединенные левые / Левозеленые Севера» [26].

Выборы в Европейский парламент 2019 г. свидетельствуют о снижении популярности левых сил среди граждан ЕС. Если ранее членов фракции было 52, то теперь фракция состоит из 39 депутатов [14].

Они выступают, прежде всего, против нынешней политической структуры ЕС, но в то же время привержены развитию интеграционного процесса. Их объединяет видение социально справедливого, мирного и устойчивого процесса европейской интеграции, который основан на

международной солидарности. Европа может внести большой вклад в улучшение условий жизни многих людей, и это требует большой политической воли. Политика ЕС, по их мнению, до сих пор не отражала этого видения. Слишком часто она основывалась на радикально ориентированной логике конкуренции как внутри ЕС, так и по отношению к третьим странам [24].

Представители данной фракции выступают за расширение и улучшение возможностей трудоустройства и образования, социальную безопасность и социальную солидарность, уважительное отношение к Земле и ее ресурсам, культурное разнообразие, устойчивое экономическое развитие и последовательную мирную политику. По их мнению, Европейский союз должен стать проектом для своего народа и не может быть проектом для элит. Они стремятся к равенству прав женщин и мужчин, гражданских прав и свобод, а также к обеспечению соблюдения прав человека. С их точки зрения, это должно быть главными целями европейского интеграционного процесса [24].

Их деятельность основывается на привлечении к ответственности учреждений и правительств ЕС, начиная от требований к повышению прозрачности и тщательного рассмотрения бюджетных предложений до отстаивания защиты прав, мира и стремления к стабильности. Депутаты фракции выступают за подотчетность и честность. В продолжающихся дебатах о будущем Европейского союза они выдвигают альтернативные взгляды и бросают вызов господствующей неолиберальной концепции [24].

По мнению экспертного сообщества, чтобы левые приобрели силу не только на национальном уровне, но и на наднациональном, им требуется улучшить транснационально сотрудничество, которое кроме взаимодействия между партиями может включать в себя взаимодействие партий с профсоюзами и социальными движениями. Кроме того, возобновление транснационального сотрудничества левых партий должно быть сосредоточено на согласованном видении Европы, которое, вместо того

чтобы стремиться спасти статус-кво от угрозы со стороны ультраправых, предоставило бы реальную альтернативу и тому, и другому [14].

Заключение

Евроскептические силы в Европейском парламенте представлены тремя разными направлениями - ультраправые, правоцентристские и левые.

Евроскептики правой идеологии не согласны с нынешним положением по таким причинам, как уменьшение суверенных прав государств-членов и расширение наднациональных полномочий ЕС. Они возражают против оказания финансовой помощи менее развитым странам Союза без проведения дискуссий по этому вопросу. Особое внимание они уделяют миграционной политике, вопросам национальной идентичности.

Правоцентристы, которые являются членами фракции «Европейские консерваторы и реформисты» в Европарламенте, хоть и по многим вопросам близки правоцентристской фракции «Европейская народная партия», редко голосуют за меры, направленные на расширение полномочий ЕС. Тем не менее, представляется, что с проевропейскими силами им будет легче находить компромиссы, нежели с депутатами из ультраправой фракции «Идентичность и демократия».

Левые же не являются евроскептиками в традиционном понимании, они больше относятся к «мягкому» евроскептицизму, так же как и консерваторы в Парламенте. Они не разделяют антииммиграционную повестку дня крайне правых евроскептиков, придерживаются принципов демократии и социального прогресса, а также считают недопустимым усиление национализма. В то же время резко критикуют нынешний ЕС и выступают против антисоциальной сущности Союза. Отменять зону евро не в их интересах. Однако они регулярно голосуют против проевропейского консенсуса по таким вопросам, как управление еврозоной, торговлей и единым рынком. Они не считают, что фундаментальные договоры ЕС,

которые основаны на таких принципах, как конкуренция и либерализм, являются эффективными.

Тем не менее, несмотря на такие явные различия, их могут объединять несогласие с текущим состоянием ЕС и стремление реформировать его. Примечательно, что большинство евроскептических партий, входящих в состав фракций, после выхода Великобритании из ЕС изменило свою риторику. Теперь уже не выход из ЕС или возвращение к общему рынку является для них главным, а скорее обновление и реформирование европейского объединения. Также представители фракций евроскептической направленности в Европейском парламенте выступают за улучшение экономической сферы. Их приоритеты отдаются созданию свободной торговли и рабочих мест, повышению конкурентоспособности ЕС в мировой экономике. «Европейские консерваторы и реформисты» и представители «Идентичности и демократии» совместно заявляют о проблеме чрезмерной бюрократизации Союза, несовершенстве миграционной системы. В то же время «Европейские объединенные левые» видят ЕС с более рациональной, справедливой и мирной политикой, которая будет только форсировать интеграционное развитие, тем самым повышая качество жизни людей. Сейчас, по их мнению, отсутствует такая политическая решимость. Как и у «Европейских консерваторов и реформистов», у них наблюдается стремление не только улучшить положение граждан ЕС, но и препятствовать изменению климата. «Европейские объединенные левые» выступают за справедливую политику в области окружающей среды, сельского хозяйства и рыболовства.

Представительство евроскептиков в Европейском парламенте означает то, что они будут влиять на решения, принимаемые в ЕС. Это не кратковременное явление, которое в скором времени исчезнет, наоборот, это продолжение структурного процесса.

Список источников и литературы:

1. Выборы в Европарламент – 2019: национальные ответы на дилеммы европейской интеграции / Под ред. Ю. Д. Квашнина, А. К. Кудрявцева, Н.С. Плевако, В.Я. Швейцера – М.: ИМЭМО РАН, ИЕ РАН, 2019 – 179 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/2019/vvep2019.pdf>
2. Громько Ал.А. Европа XXI века. Новые вызовы и риски: Монография / А.А. Громько, В.В. Журкин, В.П. Фёдоров и др.; Под общ. ред. Ал.А. Громько, В.П. Фёдорова. — М.: Нестор-История, 2017. – 584 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/eur21-1.pdf>
3. На выборах в Европарламент победили евроскептики / BBC News. [Электронный ресурс] // URL: www.bbc.com/russian/international/2014/05/140526_eu_elections_parliament
4. Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе – RightWing Populism in the European Union: [монография] / П.В. Осколков. – М.: Ин-т Европы РАН, 2019. – 165 с. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/365.pdf>
5. Партия Брексита – новая надежда Найджела Фаражда. Зачем она нужна? / Коммерсант [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.uk/articles/partiya-breksita-novaya-nadezhda-naydzhela-faradzha-zachem-ona-nuzhna>
6. Пешеньков А.С. О некоторых особенностях наднациональной партийной системы. // Балт. Рег. – 2016. - №3. – С. 141 – 158 [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-nadnatsionalnoy-partiynoy-sistemy-evropeyskogo-soyuza>
7. Шаповалов Н.И. Европейский Парламент: тенденции становления // Вестник Волгогр. Гос. Ун-та. – 2015 - № 3 (28). – С. 198 – 203. [Электронный ресурс] // URL: <https://j.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1154>

8. Шибкова М.О. Фактор евроскептицизма в международной деятельности итальянских политических партий: дис. канд. полит. наук : 23.00.04 / Шибкова Мария Олеговна; науч. рук. О. Н. Барабанов; МГИМО МИД России. — Москва, 2018. — 243 с. [Электронный ресурс]: URL: https://mgimo.ru/science/diss/Shibkova_diss.pdf
9. About European Conservatives and Reformists // ECR website [Электронный ресурс]: URL: <https://ecrgroup.eu/about>
10. About Identity and Democracy // Identity and Democracy website [Электронный ресурс]: URL: <https://identityanddemocracy.eu/about-us/>
11. Akbaba, S. A. Critical Assessment of a Eurosceptic Party Group on European Integration: A Case Study of the European Conservatives and Reformists Group // Baltic Journal of European Studies. – 2014- Vol. 4. - № 1 (16). – P. 97 – 118. [Электронный ресурс] // URL: www.researchgate.net/publication/271382169_A_Critical_Assessment_of_a_Euro_sceptic_Party_Group_on_European_Integration_A_Case_Study_of_the_European_Conservatives_and_Reformists_Group
12. Building Parliament: 50 years of European Parliament history. // the European University Institute, Florence. - 2009. – 303 p. [Электронный ресурс] // URL: https://www.ab.gov.tr/files/ardb/evt/1_avrupa_birligi/1_1_tarihce/50_years_of_european_parliament_history.pdf
13. Brexit Party misses first deadline to form political group in European Parliament // Politico. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.politico.eu/article/brexit-party-nigel-farage-fails-to-form-political-group-in-european-parliament/>
14. Bortun, V. The modest of radical left parties in the European elections reflected after their limited transnational cooperation. – 2019 // European Politics and Policy. [Электронный ресурс] // URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2019/06/18/the-modest-performance-of-radical->

[left-parties-in-the-european-elections-reflected-their-limited-transnational-cooperation/](#)

15. Dinan, D. Historiography of the European Parliament // European Parliamentary Research Service. – 2018 – 72 p. [Электронный ресурс] // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/630270/EPRS_STU\(2018\)630270_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/630270/EPRS_STU(2018)630270_EN.pdf)

16. European election results. 2019. Comparative Tool. / European Parliament website. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/tools/comparative-tool/>

17. European election results. 2019. / European Parliament website. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en>

18. European political parties. // EUR- Lex. Access to European Union Law. [Электронный ресурс] // URL: https://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/eu_parties_status.html

19. European Political Parties. / European Parliament website. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.europarl.europa.eu/contracts-and-grants/en/political-parties-and-foundations/european-political-parties>

20. European election results. 2019. Seats by political group and country / European Parliament website. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/seats-political-group-country/2019-2024/>

21. Europe of Freedom and Direct Democracy, Farage`s new group in the EU Parliament. // Euractiv. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.euractiv.com/section/eu-priorities-2020/video/europe-of-freedom-and-direct-democracy-farage-s-new-group-in-the-eu-parliament/>

22. Euroskeptics are a bigger presence in the European Parliament // Pew Research Centre [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/05/22/euroskeptics-are-a-bigger-presence-in-the-european-parliament-than-in-past/>

23. Euroscepticism on rise in Europe, poll suggests / the BBC [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-36471989>
24. GUE / NGL: what we stand for // GUE / NGL website [Электронный ресурс] // URL: <https://www.guengl.eu/what-we-stand-for/>
25. GUE/ NGL members // GUE / NGL website [Электронный ресурс] // URL: <https://www.guengl.eu/groups/delegation/>
26. GUE / NGL history // GUE / NGL website [Электронный ресурс] // URL: <https://www.guengl.eu/history/>
27. Identity and Democracy members / Identity and Democracy website. [Электронный ресурс] // URL: <https://identityanddemocracy.eu/members-delegations/>
28. Leonard M., Torreblanca, J. The Eurosceptic surge and how to respond it // European Council on foreign relations. – 2014. – 12 p. [Электронный ресурс] // URL: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/ECFR98_EUROSCEPTIC_BRIEF_AW_4.pdf
29. McDonnell D., Werner A. The ENF Group in the European Parliament: A lasting transnational radical right populist group. // EUSA conference 2019. – 22 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.eustudies.org/conference/papers/download/725>
30. New Eurosceptic group to campaign against EU treaty in Irish referendum / Euobserver. [Электронный ресурс] // URL: <https://euobserver.com/political/28403>
31. New European far-right coalition named Identity and Democracy / Euronews [Электронный ресурс] // URL: <https://www.euronews.com/2019/06/13/new-far-right-alliance-in-european-parliament>
32. Ozlem U., Ornek, S. Euroscepticism in the European Union. // International Journal of Social Sciences. - 2015. – Vol. 4 (2). – P. 49 – 57.

- [Электронный ресурс] // URL: https://www.academia.edu/31109114/Euroscepticism_in_the_European_Union
33. Parliament`s seven political groups / European Parliament website. [Электронный ресурс] // URL: www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20190612STO54311/parliament-s-seven-political-groups
34. Parliament group priorities: Identity and Democracy / European Parliament News [Электронный ресурс] // URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20190712STO56963/parliament-group-priorities-identity-and-democracy>
35. Parliament`s group priorities ECR / ECR website [Электронный ресурс] // URL <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/eu-affairs/20190712STO56964/parliament-group-priorities-european-conservatives-and-reformists>
36. Pérez I. Euroscepticism inside and outside the European Parliament: A proposal of new classification for critical with the European Union // ECPR Helsinki Workshop. – 15 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://ecpr.eu/Filestore/paperproposal/c6fe5b72-9e3e-4edc-80ad-e010e022fcae.pdf>
37. Redistribution of seats in the EP after Brexit / European Parliament website [Электронный ресурс] // URL: www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20200130IPR71407/redistribution-of-seats-in-the-european-parliament-after-brexit
38. Rivera E., Davis M. Dissecting Identity & Democracy, the EU's new far-right super group // IERES Occasional Papers – 2019. - №3. – 27 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://cpb-us-e1.wpmucdn.com/blogs.gwu.edu/dist/b/3076/files/2019/07/Dissecting-Identity-Democracy-the-EUs-new-far-right-super-group.pdf>
39. The Brief: Europe of Freedom and Direct Democracy – a closer look / Euronews [Электронный ресурс] // URL:

<https://www.euronews.com/2019/05/17/the-brief-europe-of-freedom-and-direct-democracy-a-closer-look>

40. The Brief: European Conservatives and Reformists – closer look / Euronews [Электронный ресурс] // URL: <https://www.euronews.com/2019/05/14/the-brief-european-conservatives-and-reformists-a-closer-look>

41. The European Union / Britannica [Электронный ресурс] // URL: <https://www.britannica.com/topic/European-Union>

42. The European Parliament: historical background / European Parliament website [Электронный ресурс] // URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/11/il-parlamento-europeo-precedenti-storici>

43. The European Parliament after Brexit / Infographic [Электронный ресурс] // URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/642259/EPRS_ATAG\(2020\)642259_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2020/642259/EPRS_ATAG(2020)642259_EN.pdf)

44. The political groups of the European Parliament / European Parliament website. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/organisation-and-rules/organisation/political-groups>

45. Treib O. Euroscepticism is here to stay: what cleavage theory can teach us about the 2019 European Parliament elections // Journal of European Public Policy. – 2020. – P. 1 – 13. [Электронный ресурс] // URL: [researchgate.net/publication/339823392_Euroscepticism_is_here_to_stay_what_cleavage_theory_can_teach_us_about_the_2019_European_Parliament_elections](https://www.researchgate.net/publication/339823392_Euroscepticism_is_here_to_stay_what_cleavage_theory_can_teach_us_about_the_2019_European_Parliament_elections)

РЕЦЕНЗИИ

Болтаевский Андрей Андреевич
кандидат исторических наук, доцент
Российский университет кооперации
Boltaev83@mail.ru

Andrey A. Boltaevskiy
PhD (Historical Sciences), Associate Professor
Russian University of Cooperation
Boltaev83@mail.ru

«БОРЬБА ЗА СЕЛИТРУ»: ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ЧИЛИЙСКО-БОЛИВИЙСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

STRUGGLE FOR SALTPETER: RESEARCH ON THE HISTORY OF THE CHILEAN-BOLIVIAN TERRITORIAL CONFLICT

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на исследование известного отечественного латиноамериканиста А. А. Щелчкова «Драма заточения страны: чилийско-болливийский конфликт и проблема выхода Боливии к морю», посвященное территориальному спору между Боливией и Чили, продолжающемуся уже полтора столетия. Научная новизна рецензируемой монографии определяется самой постановкой темы: автор обращается к комплексному анализу слабоизученной в отечественной историографии теме. Сделан вывод о том, что если первоначально в основе конфликта были противоречия вокруг контроля над природными ресурсами, то сегодня цель добиться утраченного выхода к морю является для Боливии не только стремлением к экономическому развитию, но и вопросом национального престижа.

Abstract. The article is a review of the study «The drama of the country's imprisonment: the Chilean-Bolivian conflict and the problem of Bolivia's access to the sea», written by the famous Russian Latin Americanist A. A. Shchelchkov,

dedicated to the territorial dispute between Bolivia and Chile that has been going on for a century and a half. The scientific novelty of the reviewed monograph is determined by the very formulation of the topic: the author turns to a comprehensive analysis of the topic poorly studied in Russian historiography. It is concluded that if the conflict was initially based on contradictions over the control of natural resources, today the goal of achieving lost access to the sea is not only a desire for economic development, but also a matter of national prestige for Bolivia.

Ключевые слова: Боливия, война, территориальный спор, выход к морю, Тихоокеанская война, противоречия, Латинская Америка, рецензия, нефть, международные отношения.

Keywords: Bolivia, war, territorial dispute, access to the sea, Pacific War, contradictions, Latin America, review, oil, international relationships.

Новый миропорядок, который складывается на наших глазах, вызывает необходимость изучения различных региональных конфликтов, многие из которых ждут своего разрешения долгими десятилетиями. Но, если Ближневосточный регион и Индостан находятся в поле пристального внимания, в том числе и рядовых наблюдателей, намного менее известны конфликты в Латинской Америке.

История Латинской Америки богата героическими и трагическими событиями: это и геноцид туземного населения, фактически полностью уничтоженного в Вест-Индии, и мрачные времена рабства и работорговли, продолжавшиеся в течение нескольких столетий, и величие национально-освободительных войн начала XIX в. Независимость, которой народы Южной Америки добились в суровой борьбе, не стала окончанием тягот и неурядиц. Напротив, споры и конфликты между различными каудильо, взаимные территориальные претензии (уже в 1811 г. на Восточный берег, современный Уругвай, вторглись с территории Бразилии португальские войска, а независимость Восточной республики была провозглашена только

в 1825 г., во многом в результате благоприятных условий, сложившихся вследствие аргентино-бразильского противостояния), вторжение американского капитала, доктрина Монро и политика большой дубинки - вот далеко не полный перечень тех событий, которые оставили неизгладимый след на Западном полушарии. Вместе с тем, хотя Никифор Полубояринов, Василий Баранщиков, Федор Каржавин заложили основы для первого знакомства россиян с Новым Светом еще во второй половине XVII в., активное научное историко-этнографическое изучение Латинской Америки началось в нашей стране только в 1950-1960 гг., что было во многом связано как с бурными национально-освободительными процессами в целом, так и с кубинской революцией в частности.

Огромную роль в этом сыграл Институт Латинской Америки, созданный в 1961 г. и испытывающий в последние годы серьезные проблемы (так, в конце 2014 г. средства массовой информации распространили ложную информацию о его предстоящем слиянии с Институтом экономики и международных отношений РАН). Несмотря на некоторые сложности, изучение Иберо-Америки в нашей стране продолжается, что во многом определено и современными геополитическими реалиями (среди них, бесспорно, первое место занимают события в Венесуэле).

Вечными проблемами развивающихся стран являются территориальные споры. Будучи обусловленными целым рядом причин (в том числе схематичными, вызванными географическим положением, границами, проведенными европейскими колонизаторами), они и сегодня оказывают влияние как на высокопоставленные политические отношения, так и на повседневную социально-экономическую жизнь (в Новом Свете это пограничный конфликт между Венесуэлой и Суринамом, противоречия Боливии и Парагвая, памятный территориальный урон Мексики, нанесенный Вашингтоном, и т.д.). Особенно значимым в этой связи становится вопрос выхода к морю: сегодня строго континентальные

развивающиеся страны (Афганистан, Центрально-Африканская Республика), как правило, намного беднее своих соседей, имеющих выход к морским коммуникациям (печально известная бедность и отсталость Гаити, относящегося отдельными авторами к «четвертому миру», объясняется историческими причинами). На южноамериканском материке лишь две страны не имеют выхода к морю: и если его отсутствие у Парагвая обусловлено его прежними колониальными границами, то по-другому сложилась судьба Боливии.

Все вышесказанное определяет актуальность рецензируемой работы известного отечественного латиноамериканиста, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН А.А. Щелчкова, предметом которой является чилийско-боливийский территориальный конфликт. Автор ставит перед собой задачи выявить исторические права Боливии на побережье Тихого океана, показать развитие данной территории до Второй Тихоокеанской войны, определить экономические и внешнеполитические предпосылки конфликта между двумя странами, рассмотреть последующую борьбу Боливии за утраченный выход к морю.

Рецензируемая монография представляет собой издание, напечатанное на качественной бумаге, богато иллюстрированное, в том числе цветными рисунками. Одним словом, полиграфическая работа выполнена на достойном уровне, что крайне непривычно для большинства научных изданий, опубликованных за постсоветский период. Книгу не просто приятно взять в руки, но и хочется читать, наслаждаясь как самим содержанием, так и его оформлением.

Работа основана на принципах историзма, анализа и синтеза, достоверности. Методологической базой исследования выступает историко-генетический метод, один из ведущих в арсенале профессионального историка, в основе которого, по определению академика И.Д. Ковальченко, находится «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений

изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта», а его отличительными характеристиками являются конкретность и фактографичность.

Научная новизна исследования заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать чилийско-болливийский территориальный спор вокруг Литорала (Побережье, так болливийцы называли район вдоль Тихого океана, входивший в состав страны) и возможности его современного урегулирования. Научная новизна определяется также небольшим количеством изданий на русском языке. Отметим только несколько статей [1], [2], [3]. Рассматривая библиографический список работы, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность. Специфика тематики обусловила привлечение зарубежных, в том числе испаноязычных, материалов. В то же время в качестве важного замечания укажем на отсутствие в монографии хотя бы краткого анализа литературы, что было бы важно как с научной, так и с просветительской точки зрения.

Стиль является научным, вместе с тем доступным для понимания не только специалистам, но и всем тем, кто интересуется как историей Латинской Америки в целом, так и территориальным спором между Боливией и Чили в частности.

Апелляция к оппонентам представлена в выявлении проблемы на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой исследования. Вместе с тем заметим, что рецензируемая монография представляет собой не сухое изложение малопонятного массовому читателю материала, но яркое и насыщенное, наполненное интересными фактами и подробностями, снабженное, как уже говорилось, любопытными иллюстрациями, усиливающими наглядность. Однако подобный вроде бы научно-популярный подход не снижает научной ценности издания.

Вызывает сожаление только то, что монография выпущена низким тиражом в 600 экземпляров. А ведь она вполне могла бы занять свое место не только на полках специалистов, но и простых читателей.

Хотя структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в качестве замечания укажем на отсутствие заключения, где были бы обобщены и систематизированы собранные материалы и выводы.

Во введении автор определяет актуальность темы, показывает, что пока «кровотокающий» конфликт между Боливией и Чили «не будет разрешен к взаимному удовлетворению сторон, все слова о латиноамериканизме, солидарности, дружбе и взаимопомощи народов континента будут пустым звуком» [4, с. 5]. В работе говорится об исторических правах современной Боливии на Литораль, которые были подтверждены ордонансом 1782 г., согласно которому Атакама относилась к Интендантству Потоси, входившей в Аудиенсию Чаркас с центром в Ла-Плате. Однако сложные климатические условия послужили причиной практически полного отсутствия постоянных поселенцев в данном районе. Даже после провозглашения независимости территориальная принадлежность Литоралья не оспаривалась Чили, а начиная с сентября 1825 г. (то есть, как справедливо подчеркивает автор рецензируемой работы, всего спустя месяц после создания Боливийской республики) боливийские власти направили туда губернатора. Как верно отмечено в работе, «в то время сама пустыня Атакама была не более чем пустыней, а не как это стало очевидным позднее местом сосредоточения величайших природных ресурсов и богатств» [4, с. 17].

Ситуация поменялась коренным образом после открытия залежей селитры-гуано, а затем и меди. Именно тогда в регион стали проникать чилийские пеоны. Как упоминает автор, это было следствием двух причин, как желанием избавиться от отмеченных свободлюбивым духом пеонов

чилийского правительства, так и самой логикой более удобной транспортировки рабочих по морю, нежели через пустыню [4, с. 38-39].

Говоря о противоречиях между Боливией и Чили, автор указывает на их давность по историческим меркам Нового Света. Не подлежит сомнению бóльшая военная и экономическая мощь Чили, тем более что к началу конфликта (иногда именуемого «селитряной войной») на серьезные экономические трудности Боливии наложилась череда стихийных бедствий: один за другим в 1877-1878 гг. последовали страшная засуха, голод и малярия. В работе кратко характеризуется ход войны между Боливией и Перу, с одной стороны, и Чили - с другой. При этом показательна противоречивая политика Лимы, которая желала единения двух стран на федеративной основе, но покинула союзника в трудный момент и пошла на сепаратный мир 1883 г., оставив проблемы союзника на усмотрение Чили. Примечательно, что, как показывает автор, это произошло даже вопреки мнению американского посла Д. Партриджа.

Автор дает верную оценку чилийско-боливийского перемирия 1884 г. как национальной катастрофы для Боливии: «Страна лишилась суверенного выхода к морю, утратила богатейшие запасы полезных ископаемых, которые были и остаются (в те годы там еще не были обнаружены самые крупные в мире залежи меди) основой благосостояния и процветания Чили» [4, с. 106-107].

Однако автор не ограничивается анализом итогов войны, а продолжает рассматривать боливийско-чилийские отношения XX в. сквозь призму геополитических факторов. Так, в период обострения перуано-чилийских противоречий в 1974-1975 гг. А. Пиночет всерьез рассматривал возможность создания буферной зоны от Перу в результате уступок Боливии на северной границе [4, с. 141]. Но после свержения режима Веласко Альворадо переговоры между Сантьяго и Ла-Платой, разумеется, были прекращены.

И сегодня отношения между двумя странами далеки от идеала: на высшем уровне используется националистическая риторика. Так, в работе отмечается, что боливийские солдаты, задержанные чилийской стороной в результате пограничного инцидента, были после освобождения награждены Э. Моралесом как национальные герои [4, с. 146].

Симпатия автора монографии на стороне боливийцев. В заключение он пишет: «Даже более ста лет спустя катастрофы Тихоокеанской войны боливийцы не забыли и не оставили в прошлом свое право быть морской державой. И пока они помнят об этом, воспитывают новые и новые поколения с мыслью о возвращении к Океану, ни один правитель не сможет не учитывать эти настроения и решимость своего народа» [4, с. 147-148].

Рецензируемая работа посвящена актуальной теме, написана доступным языком, снабжена 34 иллюстрациями, а ее материалы и выводы могут быть использованы как в курсах лекций по истории и политологии, так и в различных спецкурсах. Вызовут они интерес и у тех читателей, которые интересуются таким далеким, но таким интересным Западным полушарием.

К монографии есть замечания: как уже было сказано, в работе отсутствует анализ литературы, что, на наш взгляд, крайне важно для любого исторического научного издания. Кроме того, нет полноценного заключения, где помимо прочего автор мог бы показать свое видение нормализации и разрешения территориального спора между Боливией и Чили. Автор называет войну 1878-1894 гг. Тихоокеанской, однако в историографии, в том числе отечественной, ее еще принято называть Второй Тихоокеанской (Первой Тихоокеанской была война 1864-1866 гг. между рядом южноамериканских стран и Испанией). Говоря об обострении противоречий между Перу и Чили в середине 1970-х гг., автор именует режим Пиночета «фашистским» (взято из текста). Если это скептический взгляд на советские клише, то он немного не уместен в условиях волны

террора, развязанного в Чили после свержения С. Альенде. Имеются в монографии и опечатки.

Общее впечатление от рецензируемой монографии в целом положительное, а сама работа может быть рекомендована как специалистам, так и широкому кругу читателей.

Список источников и литературы:

1. Иванов Н.С. Тихоокеанская война (1879 – 1883). Региональные факторы и роль британского капитала // Латиноамериканский исторический журнал. 2015. № 15. С. 49-72.

2. Правдюк Д.А. Перуанский фактор в чилийско-боливийском территориальном споре: история и современность // Клио. 2015. № 11 (107). С. 184-188.

3. Сония К.М. История Тихоокеанской войны (1879 – 1883), причины и последствия для Боливии // Евразийский юридический журнал. 2017. № 10. С. 95-97.

4. Щелчков А.А. Драма заточения страны: чилийско-боливийский конфликт и проблема выхода Боливии к морю. М.: Аквилон, 2019. 160 с.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — не более 15–16 тыс. знаков с пробелами (с учетом аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — no more than 15-16 thousand characters with spaces (including abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages).

Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2021. № 1 (15)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес Редакции Журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1,
каб.345

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска Журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска Журнала: О.П. Иванов (д.п.н.).

Редакционная коллегия выпуска Журнала: Шангараев Р.Н. (к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Кулябина Л.Н. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.),
Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина А.А. (к.п.н.),
Рыженок А.Р.

Технический редактор выпуска Журнала: Ракитина М.А.

Верстка: Р.Н. Шангараев

Оформление: Р.Н. Шангараев

Опубликовано 30.03.2020.